Московский рабочий 1976

Авторы выражают благодарность Л. Т. Космодемьянской, работникам Центрального архива ВЛКСМ и работникам МК ВЛКСМ за помощь при подготовке этой книги.

Книга рассказывает об истории создания и экспозиции музея отважной партизанки, комсомолки, Героя Советского Союза Зои Ананатольевны Космодемьянской. Комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская поднялась на высшую ступень патриотизма и морального величия. Она как бы впитала в себя все лучшие чувства, выработанные нашим народом в его историческом развитии. Это уже дочь не только русского, но и всего советского народа, дочь Ленинского комсомола…
М. И. Калинин

ПО ЗОВУ РОДИНЫ

Бег времени не остановить. Все дальше уходят в историю суровые и грозные годы Великой Отечественной войны. Уже выросли новые поколения, поднялись новые города. Но память советского народа, память человечества свято хранит 1418 дней, когда решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации.
Советский народ и его доблестные вооруженные силы под руководством Коммунистической партии нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии и ее сателлитам, отстояли свободу и независимость социалистического отечества, осуществили великую освободительную миссию, с честью выполнили свой интернациональный долг. Наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству.
Главным творцом нашей победы был советский народ, совершивший подвиг, равного которому еще не знала история. «Советский народ, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — с честью выдержал суровое испытание войны. Враг был разбит, повержен. Наш замечательный народ, народ-герой, народ-богатырь высоко поднял над планетой и победно пронес сквозь огонь военных лет овеянное славой ленинское знамя, знамя Великого Октября, знамя социализма».
Важнейшим этапом на пути к победе над фашистской Германией явилась битва под Москвой. Разгром гитлеровских войск под Москвой — начало коренного поворота Великой Отечественной войны и первое крупное поражение врага во второй мировой

войне. Был окончательно сорван фашистский план «молниеносной войны» и развеян миф о непобедимости гитлеровской армии.
Победа над фашистскими ордами под Москвой — яркая страница в истории Великой Отечественной войны. Москву, столицу нашей Родины, защищал весь советский народ. Рядом с отцами, старшими братьями, сестрами сражались юноши и девушки. Они сутками дежурили в райкомах комсомола, добиваясь путевки на фронт. Тысячи заявлений с просьбой принять в ряды защитников Москвы поступило в те дни от комсомольцев Москвы и Подмосковья. Юноши и девушки в составе коммунистических батальонов, партизанских отрядов, диверсионно-разведывательных групп отважно боролись с врагом. Почти круглые сутки, не покидая рабочих мест под вражеской бомбежкой, трудились они на заводах и фабриках, стремясь обеспечить фронт всем необходимым, строили оборонительные сооружения, гасили пожары, отважно защищали небо Москвы.
Москвичи-комсомольцы уходили на фронт целыми организациями. В эти дни на дверях редакции газеты «Московский комсомолец» появилась табличка: «Редакция закрыта — все ушли на фронт».
Бесстрашие, мужество, стойкость, готовность отдать все силы, а если понадобится, то и жизнь во имя Родины воспитывала партия в советских людях, в молодежи. И в период Великой Отечественной войны эти качества проявились с особой яркостью.
«Одной из решающих причин высокого патриотизма нашей молодежи и ее беспримерного героизма, — говорил М. И. Калинин, — является неразрывная связь комсомола с Коммунистической партией. Партия вдохновляет комсомол на подвиги во имя общего дела…»
Коммунистическая партия вдохновляла и вела весь советский народ к победе над врагом. Партия собирала силы народа для разгрома врага, партия указала путь к победе, в основе которой лежали несокрушимая крепость нового советского общественного и государственного строя, единство и сплоченность всех народов СССР.
Комсомольцы, юноши и девушки свято выполнили свой патриотический долг перед Родиной. Об этом свидетельствует высокая награда, которую заслужил Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи в годы Великой Отечественной войны, — орден Ленина.
Орденами и медалями Советского Союза награждены были три с половиной миллиона комсомольцев, в их числе 50 тысяч молодых партизан, 100 тысяч девушек. Семь тысяч комсомольцев и воспитанников комсомола были удостоены звания Героя Советского Союза, 60 из них — дважды Герои Советского Союза.
…Время стремительно движется вперед. Но навсегда сохранились в памяти народной имена тех, кто, не щадя своей юности, жизни своей, крушил врага, делал все, что было в его силах и выше сил для победы над коричневой чумой.

Зоя Космодемьянская, Саша Чекалин, Лиза Чайкина, Александр Матросов, Юрий Смирнов, Мария Мельникайте, герои-краснодонцы, людиновские комсомольцы… Родина, история помнят и чтут их имена.
Их славят в песнях. О них написаны книги, рассказывают кинофильмы, театральные постановки. Им посвящены полотна художников. Их именами названы города, улицы, суда, бороздящие моря и океаны. Громады монументальных памятников и скромные обелиски утверждают их бессмертие.
Они навечно занесены в списки воинских подразделений и частей, коллективов заводов и фабрик, школ, институтов, где они служили, работали, учились.
Они — в нашем строю. И навсегда в народной памяти они останутся молодыми.

ВСЕГДА С НАМИ

На 86-м километре автомагистрали Москва — Минск стоит памятник, воздвигнутый в 1956 году. Его авторы — скульпторы О. Иконников и В. Федоров, архитектор А. Каминский. С высокого постамента из черного гранита через поля и леса в сторону Москвы смотрит девушка.
На постаменте золотом надпись:

ЗОЕ, БЕССМЕРТНОЙ ГЕРОИНЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА
1923-1941 гг.

Зоя! Зоя Космодемьянская!
Одна из многомиллионной когорты комсомолии грозной военной поры.
Восемнадцатилетняя московская школьница.
Три коротких этапа в ее биографии: пионерка, комсомолка, народный мститель.
В 1958 году комсомольцы Московской области в дни сорокалетия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и в честь его доблестной дочери Зои Космодемьянской заложили неподалеку от памятника большой парк.
Деревца его давно окрепли и выросли.
Если у развилки шоссе свернуть влево, пятикилометровая асфальтированная дорога, бегущая вдоль леса, приведет в деревню Петрищево.
Некогда глухое, затерявшееся среди лесов и торфяных болот селение известно теперь далеко за пределами нашей страны.
Здесь, в деревне Петрищево Рузского района Московской области, находится мемориальный Музей Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, юной патриотки, зверски замученной гитлеровскими палачами 29 ноября 1941 года.
Основан музей в 1948 году. Тогда жители Петрищева и близлежащих сел Моденово,

Никольское, Богородское и др. решили увековечить память комсомолки и отвели в помещении сельсовета небольшую комнату, назвав ее уголком Зои.
Инициатива жителей вызвала широкий интерес у комсомольцев и молодежи Москвы и Подмосковья. Всем, кому была дорога память о Зое, кто сражался рядом с ней, хотел узнать о ее подвиге как можно больше, стали приезжать сюда. Многие пополняли уголок Зои сохранившимися у них газетами военных лет, книгами, партизанскими листовками, в которых рассказывалось о Зое. Написали свои воспоминания для уголка участники боев за освобождение Петрищева, партизаны, действовавшие в этой местности.
Много ценных документов было передано в уголок из Центрального архива ВЛКСМ, матерью Зои — Любовью Тимофеевной Космодемьянской.
Уголок Зои постепенно превращался в музей, и собранным экспонатам уже стало тесно в небольшой
В 1956 году перед VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов в Москве, Центральный Комитет комсомола принял решение о строительстве в Петрищеве специального дома для музея. Комсомольцы Подмосковья объявили эту стройку ударной и завершили ее в короткий срок.
У самого входа в музей, окруженного высокими стройными тополями и вечнозеленой туей, высится статуя работы украинского скульптора Л. Тверденской «Зоя». У девушки связаны за спиной руки и все тело стянуто грубыми путами. Но гордо поднята голова, сурово сжаты губы… Она выдержала тягчайшие пытки, но не сказала ни слова… Жители помнят, что раньше эта скульптура стояла на развилке шоссе Москва-Минск, на 86-м километре. Когда шла подготовка к открытию мемориального музея, скульптуру установили у входа.
Если отсюда посмотреть на противоположный край площади, за узорной массивной железной оградой будет виден высокий пирамидальный обелиск.
У его подножия в любое время года — венки, цветы. Там место казни Зои.
С четырех сторон обелиска на граните выбиты надписи. На лицевой стороне, обращенной на запад, к дому Ворониных, где фашисты пытали и допрашивали Зою, начертано:

ЗДЕСЬ 29 НОЯБРЯ 1941 ГОДА
БЫЛА КАЗНЕНА НЕМЕЦКИМИ ФАШИСТАМИ
КОМСОМОЛКА-ПАРТИЗАНКА ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ.

На правой боковой стороне, обращенной к лесу, откуда шла Зоя на подвиг, — последние слова, сказанные ею перед казнью:

МНЕ НЕ СТРАШНО УМИРАТЬ, ТОВАРИЩИ. ЭТО СЧАСТЬЕ — УМЕРЕТЬ ЗА СВОЙ

НАРОД.

На тыльной стороне обелиска — строки из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля
1942 года:

ЗА ОТВАГУ И ГЕРОЙСТВО,
ПРОЯВЛЕННЫЕ В ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ В ТЫЛУ
ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ,
ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»
КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ ЗОЕ АНАТОЛЬЕВНЕ.

На стороне, обращенной к музею:

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ.

И еще один памятник Зое в Петрищеве. За музеем ведет к нему узкая дорожка. На мраморной плите написано:

ЗДЕСЬ БЫЛО МЕСТО ПЕРВОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ, ЗВЕРСКИ КАЗНЕННОЙ НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ 29 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.

Доску эту установили жители Петрищева.
Каждый день, даже в мороз и ненастье, приезжают в Петрищево сотни людей. Школьники и студенты, воины Советской Армии и ветераны войны, рабочие, колхозники, многочисленные зарубежные гости.
В музее, в его вводном зале, малышей посвящают в октябрята. Пионерам здесь повязывают галстуки. Принятым в комсомол вручают комсомольские билеты. Солдаты принимают здесь воинскую присягу. Подросткам торжественно вручаются паспорта. Ветераны войны собираются на вечера встреч, вспоминают о былых сражениях, павших товарищах.
На одной из стен вводного зала начертаны имена Героев Советского Союза, удостоенных этого высокого звания в битвах под Москвой.
Список открывает Зоя Космодемьянская.
Имя Зои стало символом мужества и стойкости советской молодежи, ее беззаветной

преданности Родине, верности идеалам ленинской партии.
На транспарантах и плакатах приведены высказывания выдающихся деятелей партии и государства о Зое, величии и значении ее подвига.
«…Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская, — читаем слова М. И, Калинина, — выдающаяся девушка. Но она типична для девушек нашей страны, ибо потенциальная готовность к подвигу жила и живет в душе большинства советских женщин».

ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЗОИ И ШУРЫ КОСМОДЕМЬЯНСКИХ

(Зал первый)

Этот зал посвящен детским и школьным годам Зои и Шуры Космодемьянских.
Перед нами — письма Зои, ее дневниковые записи, школьные тетради, книги, прочитанные ею.
Личные вещи. Скромные, простые, подчас чиненные и перечиненные ее руками. «Выходное» сатиновое платье, вязаная кофточка, вышитый полотняный фартук, предметы домашнего обихода семьи Космодемьянских, Нехитрые девичьи украшения.
Фотографии родных и близких. Они, как детали быта семьи Космодемьянских, дополняют рассказ о детских и школьных годах Зои.
Зоя Космодемьянская родилась 13 сентября 1923 года в селе Осиновые Гаи Тамбовской области. Мать, Любовь Тимофеевна, учительствовала в школе, отец, Анатолий Петрович, тоже учитель, работал сельским избачом.
В июле 1925 года их маленькая семья увеличилась: родился сын, Александр.
Зоя и Шура были очень привязаны к бабушке Совсем неграмотная крестьянка, Мавра Михайловна слыла мастерицей рассказывать сказки, знала их великое множество.
Она любила беседовать с внуками, умело наставляла их. Как пример Любовь Тимофеевна приводит в своей книге такой рассказ:
«Она не говорила просто: «Уважайте старших». Она всегда старалась, чтобы мысль ее стала понятна детям, дошла до ума и до сердца. «Вот мы в дому живем, — говорила она Зое и Шуре, — его старики построили. Вот печь нам Петрович какую хорошую сложил! Петрович — старый, умный, руки у него золотые. Как же старых-то не уважать?»
На трудные годы выпало детство Зои и Шуры. Страна еще не оправилась после нашествия интервентов и долгой гражданской войны. Еще восстанавливалось народное хозяйство, только-только начинали работать заводы и фабрики. В каждой трудовой семье еще давала себя знать нужда. Не хватало хлеба, топлива, одежды и обуви.
В городе и деревне враги Советской власти, пользуясь трудностями, провоцировали выступления недовольных, убивали из-за угла представителей народной власти на местах, распространяли клеветнические слухи о скорой гибели Советской власти.

Церковники старались запугать верующих «божьей карой», говоря о скором пришествии конца света.
Тяжелым наследием царизма была массовая неграмотность трудового населения. Борьбу с ней партия выдвинула как одну из важнейших задач. Наступление на неграмотность велось советскими, профсоюзными и другими массовыми организациями трудящихся. Космодемьянские были в числе тех, кто в Осиновых Гаях боролся за упрочение Советской власти, становление нового быта.
Любовь Тимофеевна впоследствии будет часто вспоминать, с каким трудом сразу после окончания гимназии ей приходилось, обходя каждый дом в селе, уговаривать крестьян отпускать детей учиться.
Ходил по избам и Анатолий Петрович, приглашая крестьян на лекцию или доклад в избу-читальню, на громкую читку газет или на очередной концерт самодеятельности. С большим уважением относились односельчане к Космодемьянским, которые были добрыми, отзывчивыми людьми.
Вечерами в избе-читальне работали курсы по ликвидации безграмотности. Когда для желающих научиться читать и писать уже не хватало места в избе-читальне, Анатолий Петрович и Любовь Тимофеевна устраивали «ликбезы» у себя дома или у своих взрослых учеников.
Уже в первые годы Советской власти в Осиновых Гаях появилось десять школ, а до революции здесь были всего две начальные школы.
«Быстро росло село, — писала Любовь Тимофеевна, — светлее и радостнее становилась жизнь. Кто не умел грамоте — научился; кто овладел грамотой — подумывает о дальнейшем ученье. Откуда же все это, кто принес нам эту новую жизнь? На этот вопрос у всех был один ответ, одно дорогое и светлое имя: Ленин!»
И первый трактор, и первый кинофильм в деревне крестьяне называли «чудом», присланным по завещанию Ленина.
Зое и Шуре о Ленине много рассказывал Анатолий Петрович. Он вырезал портреты Владимира Ильича из газет и журналов, бережно их хранил. «Ведь он был для нас не только вождь, великий, необыкновенный человек. Нет, он был словно близкий друг и советчик для каждого; все, что происходило в нашем селе, у нас дома, было связано с ним, все шло от него — так понимали и чувствовали все», — свидетельствует Л. Т. Космодемьянская.
Когда Зое исполнилось шесть лет, семья Космодемьянских решила поехать в Сибирь. Отдел народного образования города Канска Енисейского округа направил Космодемьянских преподавать в село Шиткино. В памяти семьи надолго запечатлелось трагическое событие: кулаки убили в этом районе семерых коммунистов. Когда мимо дома, в котором жили Космодемьянские, проходила похоронная процессия, Зоя, по рассказу матери, долго смотрела ей вслед.

— За что их убили? — спросила девочка. — Кто такие кулаки? А ты коммунист? А папа коммунист? А вас не убьют?..
Похороны коммунистов оставили неизгладимый след в памяти Зои. Позже, уже будучи школьницей, она вспоминала об этом и спрашивала мать, нашли ли тех, кто убил коммунистов.
Анатолий Петрович и Любовь Тимофеевна рассчитывали поработать в Сибири несколько лет, но в мае 1930 года, получив приглашение от родных, семья решает переехать в Москву.
По пути в Москву родители отвезли детей в Осиновые Гаи, к бабушке и дедушке. Здесь Зоя и Шура пробыли до конца августа следующего года, пока Анатолий Петрович и Любовь Тимофеевна устроились с работой и жильем.
Вначале Космодемьянские поселились в небольшой комнате на Старом шоссе, недалеко от Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. «…Стол, кровати, неширокое окно… Вот мы и дома!» — писала Любовь Тимофеевна.
Отсюда первого сентября 1931 года Зоя впервые пошла в школу.
Через два года Анатолию Петровичу дали другую комнату, более просторную и удобную. Рядом находилась 201-я школа, куда перешли учиться Зоя и Шура.
В зале музея, посвященном детским и школьным годам Зои, выставлен снимок: небольшой двухэтажный дом по Александровскому проезду. На втором этаже видно раскрытое окно: комната, в которой жили Космодемьянские.
Переезд семьи в Москву был для всех большим и радостным праздником. Чтобы отметить его, Любовь Тимофеевна и Анатолий Петрович, не любившие фотографироваться, на этот раз решили сделать семейный снимок. Этот единственный снимок, на котором запечатлена семья в полном составе, также экспонируется в музее.
Теперь, когда мы знаем, как сложилась судьба семьи Космодемьянских, смотреть на этот снимок спокойно невозможно. В 1933 году после короткой, но тяжелой болезни скончался Анатолий Петрович. Героической смертью пали в борьбе за Советскую Родину Зоя и Шура. Много горя пришлось пережить Любови Тимофеевне.
Рядом другой снимок: Зоя восьми лет, ученица второго класса. Жизнерадостная, улыбчивая девочка, с аккуратно расчесанными на пробор, коротко остриженными волосами. Тонкие длинные брови оттеняют ее словно удивленные чем-то глаза. Она в цветастом сарафане, поверх белой блузки с воротничком, отороченным узкой каймой вышивки. Еще в деревне маленькая Зоя училась вышивке у бабушки — свой воротничок она сама и украсила.
В витринах этого зала множество различных ее поделок: вышивки, кружева, вязание. Тут и школьные тетради Зои и Шуры, альбомы с рисунками, контрольные работы с пометками учителей, дневники, школьные принадлежности, похвальные грамоты. На одной из них, выданной в июне 1939 года, написано:

«Выдана ученице 7 «А» класса 201-й средней школы Октябрьского района г. Москвы Космодемьянской Зое за отличные успехи и примерное поведение».
Вместе с грамотой Зоя получила в подарок от школы сборник избранных произведений Т. Г. Шевченко. На книге та же надпись, заверенная школьной печатью и подписью директора школы Н. В. Кирикова. Этот сборник также представлен в музее.
Зоя много читала. Вот одна лишь страница из дневника, который вела она, учась в седьмом классе. Страница поделена на четыре графы: «Автор», «Название книги», «Начала читать и кончила», «Понравилась или нет».
Среди авторов — Пушкин: «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Повести Белкина», «Арап Петра Великого»; Тургенев: «Ася», «Рудин»; Чехов: «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Мужики», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника»; Помяловский: «Очерки бурсы»; Флобер: «Простая душа».
Всюду пометки: «Читала», «Да, очень» (понравилось).
Еще одна страница дневника с надписью: «Прочесть летом».
«Основное — Чехов: «Вишневый сад», «Ионыч»; Горький: «Старуха Изергиль», «На дне», «Мать», «Дело Артамоновых»; Фадеев: «Разгром»; Шолохов: «Поднятая целина»; Шекспир, Гете, Конан-Дойль, Агасфер…»
Преподавательница русского языка и литературы 201-й школы, в которой Зоя училась в седьмом, восьмом и девятом классах, В. Новоселова рассказывала:
«…Чуткая к художественной форме, она умела облечь свою речь, устную и письменную, в яркие, выразительные образы. Мне особенно запомнилось одно домашнее сочинение, написанное ею в восьмом классе на тему: «Илья Муромец — любимый богатырь земли русской». Чрезвычайно изящное по форме, оно было глубоким по содержанию. Сочинение это как лучшее зачитывалось в классе, а поэтому особенно мне запомнилось… Помню, что сочинение начиналось примерно так: «Перед нами безграничные просторы земли русской. Три легендарных богатыря хранят ее покой. В центре на могучем коне — Илья Муромец, тяжелая булава в его руке, готовая обрушиться на врага. По бокам товарищи верные: Алеша Попович с лукавыми глазами и Добрыня Никитич». Дальше Зоя раскрывала образ Ильи, говорила о его подвигах и словами былины раскрывала любовь народную к Илье…»
В музее хранится выписанная учительницей заключительная часть сочинения Зои.
«И вот спустя столетия чаяния и ожидания народные сбылись: у нашей земли есть свои достойные защитники из народа — Красная Армия. Недаром поется в песне: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Мы делаем былью чудесную сказку, и поет народ о своих героях с такой же глубокой любовью, как пел он когда-то об Илье Муромце».
К тому времени, когда Зоя пошла в школу, в разгаре была первая пятилетка. Конечно, девочка еще не могла глубоко осознать, что это значит — превратить страну из

отсталой аграрной в индустриальную. Конечно, она еще очень смутно представляла себе, что такое колхозы. Но она часто слышала от отца и матери, в школе от учителей, слушала по радио в детских передачах, читала в своей «Пионерке» о том, как много строится и в Москве и в Сибири новых заводов, как повсюду крестьяне объединяются в артели. Ей рассказывали о новых строящихся школах, городах, о комсомольцах, вызвавшихся возводить их в самых отдаленных местах страны.

Она взрослела и уже сама примечала то новое, что появлялось вокруг. На улице, где жили Космодемьянские, на месте ветхих домишек строились кварталы больших каменных домов. В Москве прокладывалась первая линия метрополитена. Расширялись площади, улицы, увеличивалось число машин, а по вечерам город все ярче освещался электрическими огнями.

Зое исполнилось четырнадцать, когда завершилась вторая пятилетка. Теперь уже больше стало магазинов, отменены были продовольственные карточки. С братом и матерью Зоя много ходила и ездила по Москве, любовалась новыми улицами, «лестницами-чудесницами» и нарядными станциями метро.

Зоя, как и все, радуется каждой новизне, каждой перемене в буднях. В своем дневнике за 1936 год она записывает:

«1 Мая — праздник веселого счастья!

Утром, полвосьмого, мама пошла на демонстрацию. Погода была солнечная, но дул ветер. Когда я проснулась, у меня было хорошее настроение. Быстро убралась, покушала и пошла к трамваю смотреть на демонстрантов, которые идут на Красную площадь. Целый день была на улице, ходила в магазин за конфетами, на поляне бегала и играла. Потом пошел дождь. Когда мама пришла с демонстрации, начался наш детский вечер. На нем раздавали подарки».

«12 мая. В девятом часу утра пошла в магазин за молоком и хлебом. Мама купила этажерку. В комнате сразу стало светло и красиво. Этажерка сделана из прутиков, и она красивая. Она мне сразу понравилась.

Настроение у меня было странное, хотелось гулять по улице, бегать, шалить. Но вот к вечеру стали делить огород. Мне досталась земля под нашим окном. Я свой огород вспахала. И мечта моя: мама купит разных семян — цветочных и овощных, и тогда будет мой огород на славу!»

«24 мая. Завтра начнутся испытания. Было теплое, свежее утро. Мама сказала, что купить в магазине, и ушла на работу. Я встала, убрала всю комнату, но тут пришла мама: она быстро освободилась нынче. И мы пошли за молоком, потом за керосином. Мы любим ходить вместе за чем-нибудь. К полудню стало еще жарче. Нельзя было нигде сидеть — только в тени. Принесли мою «Пионерку», как я называю «Пионерскую правду».

Нет времени читать книги, но читать «Пионерку» я нахожу время. Сегодня в ней

напечатано, что в Ростове открылся Дворец пионеров. Очень хороший. В самом лучшем здании. Там восемьдесят комнат — куда хочешь, туда и иди. Там есть игрушечная телефонная станция. А в другой комнате включишь рубильник — и два трамвая понесутся по кругу. Трамваи, конечно, игрушечные, но совсем как настоящие. И еще в «Пионерке» сказано, что скоро во дворце будет маленькое метро, как московское, но только маленькое. И тогда те ребята, которые никогда не были в Москве, все-таки смогут увидеть метро.

И, конечно, в «Пионерке» много про испытания. Написано: «Отвечайте спокойно, уверенно, четко!» Испытания! Испытания!.. Я только и думаю о них. Учу уроки и готовлюсь. Главное, не бояться учителя и ассистентов, которые будут присутствовать. И я сдам, непременно сдам испытания на «отлично» и не ниже «хорошо».

«11 июня. Ой, сегодня нам скажут, кто как сдал испытания, выдадут табели и будут премировать…

Встала я в половине девятого и пошла на утренник. Все ребята чистенькие и нарядно одетые. И вот начался торжественный доклад нашего заведующего учебной частью. В зале тишина. На столе, покрытом красным полотнищем, лежат красивые книги. Их дадут отличникам. И вот вызывают меня: испытания я сдала по русскому и арифметике «отлично», по естествознанию и географии — «хорошо». У Шуры отметки тоже хорошие. Меня вызывают и дарят мне самую хорошую книгу — басни Крылова!».

«12 июня. В 10 часов 30 минут мы поехали в сад имени Зуева. Дождались автобуса и поехали. А приехав, пошли смотреть замечательный кинофильм «Родина зовет». Был у нас и спектакль. Потом мы гуляли по саду, катались с гор, ходили в библиотеку. Потом нас угостили пирожным, и мы поехали домой».

Эти бесхитростные записи девочки-школьницы, радующейся новой этажерке, игрушечным трамваям в далеком от Москвы новом Дворце пионеров, съеденному в парке пирожному, на первый взгляд могут показаться по-детски наивными и очень личными. Но в них яркая примета времени. Ведь только недавно в стране были отменены карточки на хлеб и все другие продукты. Еще недавно семье Космодемьянских, как и всем семьям трудящихся, приходилось экономить в самом малом. Индустриализация страны, строительство заводов-гигантов, укрепление обороны, становление колхозов, развитие культурной революции — все это требовало величайшего напряжения всей экономики страны и нередко отказа от самого насущного. Это были трудности роста, и советские люди мужественно переносили их во имя завтрашнего дня.

В музее широко представлены различные документы и свидетельства тридцатых годов. Это было время, когда в стране шло победоносное наступление социализма по всему фронту. В результате первой пятилетки СССР превратился из аграрной в индустриальную страну. К концу второй пятилетки было в основном построено

социалистическое общество, ликвидированы эксплуататорские классы, завершена коллективизация в сельском хозяйстве.
Не было ни одного участка хозяйственного и культурного строительства, где бы не трудились комсомольцы и молодежь. Руками молодых были построены автомобильные заводы в Горьком и Москве, Уральский машиностроительный завод («Уралмаш»), Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, Днепровская ГЭС, город Комсомольск-на-Амуре, Московский метрополитен.
«Комсомолец — на трактор!», «Комсомолец — время, вперед!», «Комсомолец — на самолет!», «Комсомолец — в поход за знаниями!» — звучали призывы со страниц газет, с плакатов на улицах, на комсомольских собраниях, митингах молодежи.
И не случайно, конечно, Зоя радуется тому, что «скоро во дворце будет маленькое метро, как московское, но только маленькое». Она входила в сознательную жизнь с ясной уверенностью, что и ее ждут большие дела.
Так на отдалении времени раскрывается ныне глубинный смысл тех давних дневниковых записей Зои.
Зоя рано почувствовала себя первой помощницей матери по хозяйству в доме, наставницей младшего брата. В том же дневнике — обыкновенной ученической тетрадке — она писала:
«Мама работала за полночь и еще спала. Чтобы не мешать ей отдохнуть, мы с Шурой пошли гулять» (запись от 26 июня).
«…Я помогаю бабушке в работе, и мне приятно выполнять ее указания» (запись от 3 июля, в деревне Осиновые Гаи, куда Зоя вместе с Шурой поехали на летние каникулы).
«Когда нет работы, то как-то скучно и тоскливо… Когда я встала, то мне в голову пришла мысль: мыть пол. Я с охотой вымыла его. Потом я сделала из красного шелка себе ленты. Вышли хорошие, не хуже моих голубеньких» (запись от 15 июля).
«Днем помогала бабушке кое-какие дела делать: гладила белье, ходила за водой и другое» (запись от 30 июля).
«На этот раз бабушка меня оставила за хозяйку. Она истопила печку и ушла. Я и нахозяйничала. Бабушка сварила лапшу и велела накрошить в нее яйца. Я хотела поставить чугунок с лапшой на скамью. Чугунок поставила на рогач, он у меня перевернулся, и лапша моя полетела! Я скорей притерла пол и заварила новую лапшу» (запись от 2 августа).
«Утро было пасмурное. Я и Шура что-то раскапризничались. И решили, что больше сердить маму не будем» (запись от 22 августа).
Эти дневниковые заметки тринадцати-четырнадцатилетней Зои помогают проследить, как формировался ее характер, каких нравственных принципов она придерживалась, как складывалось ее убеждение в необходимости труда, зрело в ней чувство ответственности за каждое дело, порученное ей или взятое на себя добровольно.

В записных книжках Зои — особо запомнившиеся места из прочитанного, мысли, созвучные ее собственным раздумьям. Среди них:
«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (Чехов).
«Консуэло — необыкновенная чистота души, простота, ум, гордость. Вспомните случай с Фридрихом II, императором Германии: не встала на колени!» «Ах, если бы латы и шлем мне достать, Я стала б отчизну свою защищать…
Уж враг отступает пред нашим полком. Какое блаженство быть храбрым бойцом!» (Гете).
«Мигуэль де Сервантес Сааведра… Дон-Кихот — воля, самопожертвование, ум».
«В характере, в манерах, стиле — во всем самое прекрасное — это простота» (Лонгфелло).
«Умри, но не давай поцелуя без любви» (Чернышевский).
«Что такое — правда? Человек — вот правда!.. Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми… Человек — выше! Человек — выше сытости!» (Горький).
«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь» (Маяковский).
Последние записи подводят нас к раздумьям о подвиге.
«Эвфорион, — писала она, — апофеоз Байрона: сын Фауста и Елены, он стремился в небо и погиб в порыве за свободу».
Зою вдохновлял оптимизм шекспировских трагедий. Она писала:
«Несмотря на то, что для самих героев их судьба часто кончается трагически, — на нас, зрителей, читателей, такой конец никогда не производит тягостного, подавляющего впечатления. Гибель героя в шекспировских произведениях всегда сопровождается торжеством высокого морального начала. Даже в кровавой трагедии Шекспира утверждается вера в человека».
Эти записи относятся к той поре, когда Зоя уже училась в восьмом и девятом классах. Она присматривалась к людям, окружавшим ее, задумывалась над их поступками, пыталась разобраться в причинах, порождающих зло в жизни, и все это сравнивала с тем, о чем она прочитала в книгах, часто ставя се на место героев.
Однажды в руки Зои попал сборник очерк «Женщина в гражданской войне». Ее особенно привлек в нем очерк «Татьяна Соломаха», о молодой сельской учительнице, коммунистке, которая героически погибла, не выдав белогвардейцам товарищей. Любовь Тимофеевна записала в последствии: «Помню: сила и чистота, которой дышал облик Тани, заставили в тот вечер плакать не одну толы Зою».
Взрослея, Зоя жила не только радостями обновляющейся страны, но и невзгодами, горем ее. Ей было девять лет, когда в сибирской деревне Герасимовке был убит пионер Павлик Морозов. Она помнила об убитых коммунистах в Шиткине и настойчиво допытывалась у матери, не те ли самые кулаки так зверски расправились с мальчиком.

Значит, Павлик Морозов тоже был коммунистом, рассуждала она, раз кулаки его боялись?
1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит Сергей Миронович Киров. На улицах вывесили траурные флаги. Зоя вернулась из школы задумчивая, грустная. И опять она задала матери тот же вопрос:
— Мама, а помнишь, в Шиткине убили коммунистов?
Обычно Зоя убирала комнату весело, шутила, напевала песни. Но в тот день она не проронила больше ни единого слова, точно задумавшись над чем-то очень важным для себя
«Ночью, — пишет в своей повести Любовь Тимофеевна, — я долго лежала с открытыми глазами Было очень тихо. И вдруг я услышала шлепанье босых ног и шепот:
— Мама, ты не спишь? Можно к тебе?
— Можно, иди.
Зоя примостилась рядом и затихла. Помолчали.
— Ты почему не спишь? Поздно уже, наверное, второй час.
Зоя ответила не сразу, только крепче сжала мою руку. Потом сказала:
— Мама, я напишу заявление, чтобы меня приняли в пионеры».
И она стала пионеркой.
Вскоре в пионеры был принят и Шура. Озорной, непоседливый, Шура часто возвращался домой после игр во дворе или футбольных баталий с мальчишками в грязной одежде, в ссадинах и царапинах на руках и лице. Зоя тут же заставляла его привести себя в порядок, говоря при этом: «А еще пионер!»
К своим пионерским обязанностям она относилась очень серьезно. Дежуря в классе, она требовала от всех соблюдения чистоты, внешней опрятности. Зое легко давались литература, история, география, труднее — математика. Теперь она часами просиживала над задачами, чтобы и в математике не быть отстающей. Всегда отзывчивая, став пионеркой, она уже просто считала своей обязанностью помочь в трудную минуту подружке, товарищу, пожилым людям.
С детства Зоя увлекалась плаванием, любила бегать наперегонки. Теперь и занятия спортом стали для нее обязательными, потому что этого требовал пионерский устав. Вместе с Шурой, отправляясь на лето в пионерский лагерь, Зоя разучивала новые песни. И это для нее было важно — уметь петь на пионерских сборах, у костра.
В 1935 году в школьном сочинении она писала:
«У костра хорошо думается. Хорошо у костра слушать рассказы, а потом петь песни. После костра еще больше понимаешь, как славно жить в лагере, и еще больше хочешь дружить с товарищами».
В пионерском лагере, а потом и в школьном кружке Зоя и Шура учились меткой стрельбе. В музее экспонируются мишени Зои — попадания точные.

В гости к пионерам 201-й школы приезжали люди, о встрече с которыми Зоя и Шура могли только мечтать. Одним из таких людей был известный полярный летчик Молоков, участвовавший в спасении челюскинцев. Брат и сестра беседовали с ним, восторженно разглядывали на груди его Золотую Звезду и орден Ленина, даже коснулись их с его разрешения своими руками. В память об этой встрече Шура сделал потом несколько рисунков, а Зоя подсказывала ему темы, помогала советами.
В музее есть снимок, запечатлевший еще одну знаменательную встречу. На этот раз гостьей школьников стала летчица Валентина Гризодубова, совершившая со своими подругами Полиной Осипенко и Мариной Расковой беспосадочный перелет Москва-Дальний Восток. Среди ребят, окруживших гостью, — Зоя. На снимке она в верхнем ряду.
Советская страна была занята мирным, созидательным трудом. Полеты в стратосферу, эпопея «Челюскина», невиданно смелые международные перелеты советских летчиков, отважные экспедиции полярников на дрейфующих станциях, строительство новых городов и освоение новых земель, ударный труд на новостройках, в шахтах, на заводах и фабриках — все это было насыщено революционной романтикой, открывавшей для молодежи широкие просторы для личного участия.
Молодежь зачитывалась поэмами Маяковского, Багрицкого, книгами Горького, Серафимовича, Всеволода Иванова, Гладкова, комсомольскими стихами и поэмами Жарова, Безыменского и других.
Из рук в руки переходили книги Николая Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».
На экраны вышел фильм «Чапаев», на просмотр которого люди шли колоннами со знаменами, в сопровождении духовых оркестров. Пафосом высокого революционного подвига звучали песни «Орленок», «Каховка», «Партизан Железняк», гордостью за советскую Родину, за ее столицу Москву были проникнуты песни «Москва майская», «Широка страна моя родная», «Все выше и выше и выше стремим мы полет наших птиц…».
Новая Конституция СССР, принятая в декабре 1936 года, закрепила плоды героического труда и самоотверженной борьбы советского народа — в СССР в основном было построено социалистическое общество. Впервые были проведены всенародные выборы в Верховный Совет СССР, показавшие подлинное единство советского общества.
Но в мире было неспокойно. Захват фашистами власти в Германии, агрессии гитлеровцев в Европе, провокации японского империализма на Дальнем Востоке изо дня в день накаляли международную обстановку. Угроза войны усиливалась. СССР готовился к обороне.
Это было заботой всех, в том числе пионеров и школьников.

В материалах музея, на стендах, в витринах — множество номеров «Пионерской правды» и их фотокопий с заголовками, говорящими о том, как широко была поставлена оборонная работа в школах: «Учись оборонять свою Родину», «Научимся стрелять, защищаться от газов, метать гранату», «Мы — юные кавалеристы», «Как я стал «Ворошиловским стрелком», «Будь готов к санитарной обороне», «Сдать нормы на значок «Юный ворошиловский стрелок», «Будь готов к труду и обороне».
Вот фотокопия этой газеты от 26 декабря 1938 года. На первой странице помещена подборка материалов под общим заголовком «Кто завоюет знамя пионеров Барселоны?».
С самого начала гражданской войны в Испании семья Космодемьянских, как и весь советский народ, пристально следила за событиями в далекой стране. Республиканцы мужественно боролись за свободу своего народа, когда фашистские Германия и Италия пытались задушить их в кольце измены и предательства. В Советской стране повсюду проходили митинги и собрания в знак солидарности с республиканцами и в поддержку их справедливой борьбы. Звали в бой пламенные слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»
Зоя и Шура прочитали в газете о девочке, которая храбро сражалась на баррикадах, о юноше, которого родные не отпускали на фронт, а он все-таки пошел. «А мы сумеем так, если придется?» — спрашивали они себя.
Они были счастливы, когда узнали, что в пионерский лагерь Артек привезли испанских детей.
— Ты читала? — спрашивала Зоя мать. — Фашисты чуть не потопили пароход, на котором они ехали… Подумай, после бомбежки, после всего оказаться вдруг в Артеке! А там хорошо сейчас? Не холодно?
Очень хотелось Зое и Шуре чем-то помочь испанским ребятам. Зоя вязала чулки и варежки в подарок им, Шура посвящал свои рисунки.
Оставшись без мужа, Любовь Тимофеевна испытывала немалые материальные трудности. Дети подрастали, им нужна была новая обувь, одежда. Чтобы собрать денег на обновы, семья завела сберегательную книжку. Но тут появилась еще одна, дополнительная статья расхода. В то время в банке существовал специальный счет № 159782. На него советские люди пересылали деньги для женщин и детей республиканской Испании. Делать это стали и Космодемьянские.
— Мы с Зоей можем меньше тратить на завтрак, — предложил Шура.
Летом 1938 года Зоя готовилась к вступлению в комсомол. Зоя вновь и вновь перечитывала речь В. И. Ленина на III съезде комсомола «Задачи союзов молодежи», некоторые места даже выучила наизусть. Читала она «Манифест Коммунистической партии», делала из него выписки. Девизом ее стали слова Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо

так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы… и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».
В апреле 1936 года проходил X съезд ВЛКСМ. Зоя изучала его материалы, выписывала из них отдельные места:
«У нас развелись люди, которые различные мещанские атрибуты выдают за зажиточную культурную жизнь… Подобно попугаям, они блистают своим пестрым оперением, под которым скрыто убогое существо невежд!»
«Забота и внимание к человеку заключаются вовсе не в том, чтобы давать ему все готовенькое, растить в нем чувство сытенького благополучия, за которым всегда следует пресыщение. Забота и внимание заключаются вовсе не в том, чтобы льстить и подлаживаться к молодому человеку, растить в нем маленькое обывательское самодовольство и этим вытравлять в нем чувство нашей гордой скромности… Советская власть открыла перед молодежью все двери, все пути — выбирай любой, иди! Но иди на своих ногах, твердо, смело, с упорством, настойчивостью, Дерзай, добивайся, достигай честным трудом, учебой, умением».
Это были принципы и ее собственной жизни. И все же, когда вместе с заявлением о приеме в комсомол Зоя писала автобиографию, уместившуюся на одной страничке, ее мучили сомнения:
— Совсем не о чем писать. Ну родилась, ну поступила в школу, ну учусь… А что сделала? Ничего?
«В тот день, — писала Любовь Тимофеевна, — Шура волновался, по-моему, не меньше, чем сама Зоя. Не помню, когда еще я видела его таким. Он ждал Зою у райкома…»
Под стеклом — комсомольский билет № 0236208
Зою избрали групоргом в классе. Вспомнив родительские «ликбезы», она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных взрослых и ревностно следила за тем, чтобы ни одно занятие не было сорвано. По ее инициативе устраивались лекции о внутреннем и международном положении, диспуты о дружбе, литературные утренники, встречи с интересными людьми.
Осенью 1940 года Зоя тяжело заболела. После выздоровления она отдыхала в санатории «Сокольники». Занятия в школе были прерваны, и Любовь Тимофеевна уже была готова к тому, чтобы Зоя осталась в восьмом классе на второй год.
Но девочка не согласилась с таким положением:
— Я после санатория буду заниматься как зверь, и летом буду заниматься. Непременно догоню…
И, несмотря на запрет, она стала упорно заниматься еще в санатории.
Однажды, когда Любовь Тимофеевна в очередной раз навестила Зою та ей сказала:
— Мама! Знаешь, кто тут отдыхает? Гайдар! Писатель Гайдар!.. Иду я по парку, смотрю

— стоит такой большой, плечистый дядя и лепит снежную бабу. Я даже не сразу поняла, что это он. И не как-нибудь лепит, а так, знаешь, старательно, с увлечением, как маленький: отойдет, посмотрит, полюбуется… Я набралась храбрости, подошла поближе и говорю:
«Я вас знаю, вы писатель Гайдар. Я все ваши книги знаю». А он отвечает: «Я тоже вас знаю, и все ваши книги знаю: алгебру Киселева, физику Соколова и тригонометрию Рыбкина!»
Аркадий Петрович и Зоя потом часто встречались на прогулках, ходили на лыжах, катались на коньках, вечерами беседовали о книгах, спорили о том, что такое счастье.
В последний день пребывания Зои в санатории Аркадий Петрович на прощание подарил ей книжку:
— Моя. На память, — сказал он.
На обложке дрались двое мальчишек — худенький и толстый. Это были Чук и Гек. На титульном листе крупно и четко рукой писателя было написано: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».
Очень скоро и для Гайдара, и для Зои настал час, когда жизнью своей каждый из них доказал, как надо любить и беречь ту землю, что зовется Советской страной.
В петрищевском музее есть групповая фотография 1940 года: среди отдыхающих санатория «Сокольники» Аркадий Гайдар и Зоя Космодемьянская.
Такой же снимок есть и в библиотеке-музее А. П. Гайдара на Украине, в Каневе, неподалеку от деревни Леплява, где 26 октября 1941 года, возвращаясь с боевого задания вместе с четырьмя партизанами, писатель погиб, спасая товарищей.
Вернувшись в школу, с гордостью рассказывала Зоя подругам о своем знакомстве с Аркадием Гайдаром, показывала книгу, подаренную писателем. Шутя, она говорила, что даже довольна тем, как все получилось. Если бы она не заболела, не было бы санатория и не было бы этой замечательной встречи… Но Зою тревожило отставание в классе, а сейчас тем более ей отставать нельзя, иначе как бы она посмотрела писателю в глаза.
С литературой, географией, историей вскоре все было в порядке, только подводила ее математика. Но Зое помогла одноклассница Катя Андреева, которая, как шутливо заметила Любовь Тимофеевна, отстранила от этих дел Шуру.
Навещали Зою и товарищи Шуры — Ваня Носенков, Петя Симонов, Олег Балашов, Юра Браудо. Шли горячие разговоры о новых фильмах — о «Валерии Чкалове», «Зорях Парижа»; читали «Гренаду» Светлова, стихи, посвященные венгерскому коммунисту и писателю Матэ Залка, павшему в боях на полях Испании, говорили об Эрнсте Тельмане, которого жестоко преследовали фашисты в Германии.

С помощью друзей и благодаря собственному упорству Зоя вскоре сумела догнать класс и получила даже «отлично» и «хорошо» по химии и математике.
Курс девятого класса был особенно богат именами выдающихся писателей и публицистов XIX века: Гоголь, Белинский, Шевченко, Тургенев, Чернышевский, Герцен, Щедрин, Л. Н. Толстой, Некрасов. Их книги Зоя перечитывала по многу раз, выписывала целые отрывки из произведений.
«Помню, что Зоя особенно увлекалась трагическими и жертвенными биографиями Шевченко и Чернышевского, — пишет в своем воспоминании учительница литературы Вера Сергеевна Новоселова. (Машинописная копия воспоминаний хранится в музее.) Она прочла обширный дополнительный материал о Чернышевском, дала глубокий и умный анализ его произведения «Что делать?».
Характеризуя, например, Рахметова, Зоя привела слова профессионального болгарского революционера Георгия Димитрова о том, как литературный герой русского писателя стал для него любимым образом. Димитров говорил, что в юности, готовя себя к борьбе за освобождение трудящихся, он стремился стать таким же волевым и закаленным, как Рахметов.
Сохранились некоторые страницы сочинения Зои Космодемьянской «Жизнь Чернышевского». На одной из них — рисунок: домик, в котором жил Чернышевский в ссылке. Это работа Шуры. Он перерисовал его с какой-то книги, найденной сестрой в библиотеке.
Весна 1941 года выдалась дружной. Накануне прощания со школой десятиклассники решили разбить на близлежащем пустыре сад. Зоя, как комсорг, уговорила принять участие в этих работах и весь свой девятый класс «А». Она посадила липу.
— Моя липа третья, — сказала она матери. — Запомни! А четвертая липа — Кати Андреевой.
В один из этих дней в школе побывал корреспондент «Правды», и через некоторое время в газете появилась заметка «Зеленый шум». В ней говорилось:
«Заканчиваются выпускные испытания. Из школы уходят молодые люди, получившие тут верную прививку, хорошо подросшие, не боящиеся ни заморозков, ни ветров под открытым небом. Питомцы школы уйдут работать, учиться, служить в Красной Армии…

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!..»

А в мире уже больше года шла война. Фашизм топтал Францию, Чехословакию, Норвегию. Еще 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу.
Чтобы не допустить вторжения фашистских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Красная Армия 17 сентября 1939 года перешла советско-

польскую границу и освободила западные области Белоруссии и Украины.
Советский Союз принял меры по обеспечению своих северо-западных границ. С Эстонией, Латвией и Литвой были подписаны договоры о взаимопомощи. Красная Армия вступила на их территорию.
Вскоре народы Прибалтийских государств свергли свои буржуазные правительства. Эстония, Литва и Латвия добровольно вступили в семью братских народов СССР.
30 ноября 1939 года начались военные действия на Карельском перешейке, где финские войска организовали серию военных провокаций на советско-финской границе. В трудных условиях суровой зимы, бездорожья и лесисто-болотистой местности войска Красной Армии прорвали сильно укрепленную линию Маннергейма и нанесли серьезное поражение главным силам финской армии.
Эти исторические события кануна Великой Отечественной войны находят отражение в материалах музея.
1941 год для Зои и Шуры был годом радостного ожидания. 27 июля — шестнадцатилетие Шуры и собственный паспорт, а 13 сентября — восемнадцатилетие Зои и право участвовать в выборах.
Брат и сестра готовились к этим знаменательным датам. Собирались они в летние месяцы устроиться на работу, чтобы хоть в какой-то мере улучшить трудное материальное положение семьи. Хотелось им и на свои собственные деньги купить что-нибудь в подарок бабушке и деду, которых они уже давно не видели и по которым очень скучали.
Но вместе с тем они решили усиленно заниматься, чтобы при переходе в десятый класс не было за ними «хвостов».
Тот торжественный день, когда Зоя и Шура перешли в десятый класс, отмечен групповой фотографией. Она показана в музее. Вместе с учащимися — директор школы Кириков. Шура сидит в первом ряду слева. Зоя — во втором ряду справа. Вторая слева от Зои — ее близкая подруга Катя Андреева.
В субботний вечер 21 июня выпускники школы собрались на бал. В полном составе на праздник явился и весь девятый класс «А». Звучала музыка. Всюду были цветы, гирлянды зелени.
Зоя была в новых туфлях, в красном с черными горошинками платье. Эти обновы — подарок Шуры, втайне купленный им в дни болезни Зои на первые трудовые деньги. Часть этих вещей находится в экспозиции зала, рассказывающего о детских и школьных годах сестры и брата Космодемьянских.

ШЛА ВОЙНА СВЯЩЕННАЯ

(Зал второй)

Со стен этого зала взывают плакаты: «Родина-мать в опасности!», «Родина-мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?».
Множество листовок, монтажи тревожных газетных заголовков.
На память невольно приходят строки из поэмы Маргариты Алигер «Зоя»:
Потерь не счесть, страданий не измерить, Припомни все и оглянись назад…
Грозная, страшная пора пришла на советскую землю с рассветом 22 июня 1941 года. Зоя и ее друзья шумной ватагой еще гуляли после школьного бала по улицам Москвы, а на пограничных заставах уже шли напряжённые бои с вероломно напавшим врагом.
В витрине — осколки снарядов и мин, пулеметные ленты, оружие.
Капсулы с землей Бреста, Сталинграда, города Ленина, Одессы, Севастополя, Краснодона, с землей подмосковных районов, где гитлеровцам был нанесен сокрушительный удар. Все это земля Родины, про- питанная кровью миллионов ее сыновей и дочерей.
Любительский снимок. В другом месте, может быть, не обратишь на него внимания, а тут подолгу разглядываешь его. У парапета безлюдной набережной обнялись двое. Не в минуту ли их первого признания упали на мирные советские города и села первые вражеские бомбы!
Рядом много других документальных снимков: черные армады фашистских самолетов бороздят небо; вражеские танки, мчащиеся через развалины домов; группы фашистских молодчиков.
И жуткие фотосвидетельства их «нового порядка»: расстрелы мирных жителей, виселицы, толпы обездоленных людей, угоняемых в рабство, концлагеря, печи крематориев…
На одном из щитов — краткая справка: вероломно нарушив договор с Советским Союзом, гитлеровцы напали на нашу страну. Они стянули к советским границам 190 дивизий, в том числе оснащенных новейшей боевой техникой — 33 танковых и моторизованных. Около пяти тысяч самолетов было сосредоточено ими для поддержания своих наземных войск с воздуха.
Красная Армия героически защищала каждую пядь советской земли. В экспозиции зала — материалы о боях на пограничных заставах, обороне Бреста, Киева, карты военных действий, сводки и сообщения Советского информбюро.
О большом мужестве и отваге летчиков Н. Гастелло и В. Талалихина рассказывают нам листовки в этом зале. Николай Гастелло и Виктор Талалихин — одни из первых, кому за ратные подвиги в Великой Отечественной войне было присвоено звание Героя Советского Союза.
С первых же дней войны Коммунистическая партия разработала боевую программу по

организации отпора немецко-фашистским захватчикам и их разгрома.
30 июня, с целью немедленной и наиболее полной мобилизации всех средств и сил страны на разгром врага, решением Центрального Комитета партии и правительства был создан Государственный Комитет Обороны.
3 июля по радио выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Обращаясь к советскому народу, он говорил о коварных целях врага, о том, что германский фашизм хочет захватить наши земли, плоды нашего труда, восстановить власть помещиков, закабалить и онемечить свободные народы Советского Союза. Речь идет, говорил он, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.
Показан еще один документ: постановление бюро Центрального Комитета ВЛКСМ от 23 июня 1941 года «О мероприятиях по военной работе в комсомоле», которое требовало «от всех комсомольских организаций удесятеренной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности… чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно для советского патриота, помогал бы обеспечить нашу Красную Армию, Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом до полного его уничтожения… чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего зазнавшегося врага, за Родину, за честь, за свободу».
В те дни комитеты комсомола заводов, фабрик, институтов, школ превратились в настоящие боевые штабы. На митингах и собраниях юноши и девушки заявляли о своей готовности отдать все силы и знания, а если потребуется, и свои жизни для победы над врагом.
В экспозиции — газета «Московский комсомолец» от 24 июня 1941 года. Здесь опубликовано письмо молодых служащих — девушек с завода имени Владимира Ильича.
«Наши братья, отцы, наши товарищи по работе уходят на фронт, — писали они. — …В тылу их заменит армия женщин и девушек, которые возьмут в руки инструмент, сядут за руль автомобиля, трактора, станут за станок…
Мы начинаем обучаться производственным профессиям, осваивать станки нашего завода. Мы будем токарями, фрезеровщиками, станочниками. Мы будем выпускать только высококачественную продукцию, такую же, какую выпускали наши братья, товарищи и мужья до ухода на фронт.
Мы уверены, что все девушки и женщины Красной столицы немедленно возьмутся за овладение мужскими профессиями и помогут обеспечить нашей армии крепкий тыл, работающий самоотверженно, как того требует война».
Под стеклом в витринах музея — подлинники и фотокопии заявлений в партийные и комсомольские организации, военные комиссариаты с просьбой направить на фронт. Они писались на тетрадных листках, кусочках оберточной бумаги, почтовых открытках.

Карандашом, чернилами, на пишущей машинке.
Из письма в московский горвоенкомат:
«Просим зачислить нас в ряды Красной Армии добровольцами. Узнав, что Гитлер ворвался на территорию нашей Родины, я, как командир запаса, только что отслуживший долг перед Родиной, снова хочу пойти на защиту родной земли вместе со своей семьей — сыном и дочерью.
Семья Куцепаленко:
Отец — Иван Лукьянович, 1894 года рождения.
Сын — Кузьма Иванович, 1916 года рождения.
Дочь — Надежда Ивановна, 1923 года рождения».
В выписке из отчета МК ВЛКСМ в Центральный Комитет комсомола за период с 22 июня 1941 года по 1 апреля 1942 года приведены некоторые общие данные:
«Только за два дня войны в Первомайском районе было подано 3000 заявлений о добровольной посылке на фронт, в Киевском районе — 2500 заявлений, в Тимирязевском районе — 2400 заявлений… Через несколько дней горком комсомола провел мобилизацию лучших комсомольцев и комсомольского актива в парашютно-десантные войска (3000 человек), в связь (1500 человек), на политработу в Красную Армию (500 человек) и т. д. Одновременно с этим во всех районах были созданы взводы и роты по подготовке истребителей танков… с отрывом от производства готовилось более 2000 истребителей танков и без отрыва от производства 3000 человек. Все они после окончания учебы были направлены на фронт».
На снимках — дом № 5 по Колпачному переулку в Москве — здание МК и МГК комсомола. Во дворе — юноши и девушки в рабочих спецовках, с противогазами через плечо. Видимо, пришли сюда прямо с работы.
Здесь формировались команды ПВО, сандружины, отряды для разведывательной и диверсионной работы в тылу врага, комсомольцы получали путевки на фронт.
Здесь 30 октября 1941 года получила партизанскую путевку и Зоя. Об этом напоминает укрепленная на фасаде здания мемориальная доска.
Фронт требовал оружия, снаряжения, медикаментов, продуктов питания. Повсюду на предприятиях, в колхозах, совхозах комсомольцы, юноши и девушки трудились, не считаясь со временем. Иначе нельзя было работать. Каждый выполнял нормы за себя и товарища, ушедшего на фронт (Встречая 30-летие Победы в Великой Отечественной войне, комсомольцы Москвы выступили с инициативой в память о героях, павших в боях за Родину, работать в завершающем году девятой пятилетки под девизом: «За себя и за того парня». Это движение получило широкое развитие во всей стране, в странах социалистического лагеря. Эти материалы собраны для специальной экспозиции музея). Создавались комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Комсомольцы не покидали своих рабочих мест, пока полностью не выполняли

фронтовой заказ.
«Бей гадов-фашистов своим трудом, как наши товарищи бьют их оружием на фронте!», «Каждая перевыполненная норма — удар по фашистам!», «Все для фронта! Все для победы!» — напоминают о тех днях плакаты на стенах музея.
«Война требует исключительно высоких темпов в подготовке кадров». Под этой шапкой в подборке материалов «Правда» в номере от 20 августа рассказывала о том, как учились рабочим профессиям девушки и подростки прямо у станков, как они мужали в труде, удивляя всех своей выносливостью, самоотверженностью, высоким сознанием долга перед Родиной.
Когда враг подступал к Москве, тысячи юношей и девушек строили вокруг столицы оборонительные сооружения. Ни проливные дожди, ни промозглая стужа, ни налеты вражеской авиации — ничто не могло их заставить бросить работу. В одной из докладных записок МГК комсомола в ЦК ВЛКСМ говорилось, что более 50 тысяч человек было послано на строительство укреплений на ближних и дальних подступах к Москве. «Только эта часть строителей обороносооружений, — сообщалось в записке, — вынула около 2 миллионов кубических метров земли».
Всего же оборонительные сооружения строили более 100 тысяч комсомольцев.
Отважно защищали комсомольцы и молодежь небо Москвы. Свыше 5 тысяч молодых патриотов из города и области добровольно вступили в войска противовоздушной обороны.
За пять первых месяцев войны из Москвы ушло на фронт около 400 тысяч коммунистов и комсомольцев.
Красная Армия оказывала стойкое сопротивление фашистским захватчикам, но враг все глубже проникал в нашу страну. 30 сентября 1941 года началось наступление гитлеровцев на Москву. Коммунистическая партия бросила клич: «Москва в опасности! Все на защиту столицы! Все силы на разгром врага!»
В Москве началось формирование коммунистических и рабочих батальонов для обучения стрельбе из пулеметов, минометов и другого оружия. Около 100 тысяч москвичей без отрыва от производства проходили боевую подготовку на различных краткосрочных курсах. В октябрьские дни 1941 года из коммунистов и комсомольцев были образованы четыре стрелковые дивизии. До этого Москва уже дала 12 дивизий народного ополчения, десятки истребительных батальонов.
Фронт требовал постоянного пополнения хорошо обученными воинами. Московский комсомол оказывал в этом практическую помощь. В осенние месяцы были подготовлены и направлены в действующие части 4800 снайперов, 850 ручных пулеметчиков, 3 тысячи лыжников, 740 станковых пулеметчиков.
Советские войска сорвали октябрьское наступление врага на столицу. В этом им большую помощь оказали москвичи. И поток заявлений от москвичей с просьбой о

зачислении в армию, посылке на фронт не прекращался.
С первых же дней войны Зоя стала часто наведываться в райком комсомола, спрашивала, чем она могла бы помочь фронту. Она говорила райкомовцам, что умеет хорошо стрелять, плавать, быстро бегать. Ей отвечали: «Подожди, успеешь, подрасти немного». С завистью она провожала на фронт своих соседей по дому Юру Исаева и Сергея Николина.
Но вскоре дело нашлось и для Зои. Вместе с матерью она стала шить дома вещевые мешки и петлички для фронтовиков. Сознание того, что и она делает что-то нужное для армии, на какое-то время успокоило ее. Шура с товарищами уже успел побывать, как тогда говорили, на трудовом фронте — рыл на окраинах города траншеи. Зое он не говорил, где проводит целые дни, но она догадывалась, чем занят брат. Как-то Шура уехал из дому на несколько дней.
«Однажды, когда мы сидели за шитьем, дверь отворилась и вошел Шура, — вспоминает Любовь Тимофеевна. — Вошел подчеркнуто спокойно, словно просто вернулся из школы, скинул с плеч дорожный мешок и только тогда поздоровался.
Мы уже узнали, что он был на трудовом фронте. Но и сейчас, в день возвращения, как и в день отъезда, он ничего не стал нам рассказывать.
— Важно, что я опять с вами, — решительно заявил он. — А рассказывать мне просто нечего… Я просто вернулся, чтоб справить дома день своего рождения. Надеюсь, вы не забыли про двадцать седьмое июля. Как-никак шестнадцать исполнится.
А умывшись и сев за стол, он сказал Зое:
— Я знаю, что мы с тобой сделаем. Пойдем на «Борец» учениками-токарями…»
Этот разговор происходил днем 22 июля, а вечером немецкие самолеты впервые прорвались к Москве.
Одна из бомб упала неподалеку от школы. Здание уцелело, но взрывной волной вышибло все стекла, были выворочены двери. В школьной библиотеке с полок попадали все книги. До самого рассвета Зоя и Шура собирали их, приводили библиотеку в порядок.
Брат и сестра стали работать на заводе «Борец» (Ныне об этом напоминает мемориальная доска, укрепленная на фасаде здания). Поднимались рано, возвращались поздно. Во время налетов дежурили на чердаке дома.
В конце сентября Зоя уехала на трудовой фронт: помочь убрать картофель в подмосковном совхозе. 24 сентября она писала матери:
В другом письме, от 3 октября, она сообщала: «Дорогая моя мамочка! Прости, что долго тебе не писала, все некогда… мы роем картофель, помогаем совхозникам убирать урожай. Норма выработки на 1 день — 100 кг (1 мешок стоит 70 копеек). Вот мы и стараемся выполнить норму. 2/X я собрала 80 кг… Как ты себя чувствуешь, я все время о тебе думаю и беспокоюсь, сильно скучаю, но уже скоро вернусь, как уберем

картошку… Мамочка, прости меня, работа очень грязная и не особенно легкая, я порвала галоши, но ты, пожалуйста, не беспокойся — в обуви я обеспечена и вернусь цела и невредима в Москву.
Недостойная тебя, дорогая мама, но горячо любящая твоя дочь Зоя».
Зоя вернулась в Москву в середине октября и снова пошла на завод. Здесь, в комитете комсомола, она узнала, что многие ребята, получив отказ в просьбе отправить их на фронт, обращались затем непосредственно в городской комитет комсомола. Зоя решила последовать их примеру.
До сих пор, к сожалению, не удалось обнаружить заявления Зои в Московский городской комитет комсомола. Что она писала в нем, как она объясняла свое желание уехать на фронт?
В музее есть записи воспоминаний бывших райкомовских работников. Один из них предполагает, что Зоя, вероятно, просилась на фронт медсестрой, если не представится никакой другой возможности для ее использования в действующей армии.
Любовь Тимофеевна тоже вспоминает, что Зоя собиралась где-то показать справки о том, что она обучалась на курсах медсестер.
Ничего не добившись в райкоме, Зоя зачастила в горком. Но попасть тогда к первому секретарю горкома комсомола, ведавшему вопросами мобилизации молодежи, было нелегко. Очереди добровольцев к нему были огромные. Вызывали всех поодиночке и долго беседовали.
Любовь Тимофеевна еще не знала тогда, что задумала Зоя. Матери дочь рассказала все, когда стало известно, что ей предстоит работа в тылу врага.
В «Повести о Зое и Шуре» Любовь Тимофеевна приводит рассказ Зои. Секретарь горкома усадил Зою против себя, внимательно посмотрел ей в лицо. Сначала он спросил, откуда она, кто родители, где бывала под Москвой, какие районы знает, знает ли какой-либо язык. Потом стал расспрашивать о здоровье, задал несколько вопросов по топографии. Спрашивал, знает ли она винтовку, умеет ли стрелять, плавать, прыгала ли с парашютной вышки.
— А сила воли у тебя есть? — спросил он.
— Нервы крепкие. Терпеливая, — ответила Зоя. После этой беседы Зое предложили прийти через два дня. Тогда ей и сообщили решение горкома. Одна из боевых подруг Зои, Клавдия Александровна Милорадова, уже после того как Зои не стало, сообщила еще некоторые подробности тех дней. Она писала матери Зои:
«В середине октября я вместе с другими комсомольцами ждала в коридорах Московского комитета комсомола той минуты, когда меня примет секретарь. Я, как и другие, хотела, чтоб меня направили в тыл врага. Среди большой толпы я заметила смуглую сероглазую девушку. Она была в коричневом пальто с меховым воротником и

с такой же меховой оторочкой внизу. Она ни с кем не разговаривала и, видно, никого не знала вокруг. Из кабинета секретаря она вышла с блестящими, радостными глазами, улыбнулась тем, кто стоял у дверей, и быстро пошла к выходу. Я с завистью посмотрела ей вслед: было ясно, что ее признали достойной.
Потом побывала на приеме и я. 31 октября — этот день я никогда не забуду — я пришла к кинотеатру «Колизей». Оттуда большую группу московских комсомольцев должны были отправить в часть. Моросил мелкий дождик, было холодно, сыро.
У входа в «Колизей» я опять заметила сероглазую девушку. «Вы в кино?» — спросила я. «Да», — ответила она… Стали подходить еще и еще девушки и ребята… Но, когда касса кино открылась, никто не стал покупать билетов… Тогда я подошла к сероглазой девушке и спросила: «Как вас зовут?» И она ответила: «Зоя».
…Вскоре мы все перезнакомились. А потом подъехала машина, мы уселись и поехали через всю Москву к Можайскому шоссе… Там женщины и подростки строили укрепления. И, наверное, все мы подумали об одном: никому не взять нашу Москву; ведь вот все москвичи, и старый и малый, готовы укреплять и защищать ее!»
Милорадова далее рассказывала, что к вечеру они прибыли в часть под Кунцевом и сразу же после ужина приступили к изучению оружия: разбирали и собирали наган, маузер, парабеллум, экзаменовали друг друга. Зоя быстро осваивалась с оружием. В тот же вечер Зою выбрали старостой.
Еще в июле, на случай оккупации Московской области, по решению Московского комитета партии развернулась работа по подготовке партизанской борьбы.
В местах, далеких от проезжих дорог, в глухих лесах строились партизанские базы. Здесь народные мстители проходили боевую и политическую подготовку, разрабатывали боевые операции, отсюда они уходили на задания.
В музее партизанскому движению в Подмосковье посвящен большой раздел. Тут листовки Московского областного комитета партии, призывающие население к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и листовки партизанских отрядов, рассказывающие населению оккупированных районов о действительном положении на фронтах, и газеты, издававшиеся в подполье, и т. п. Множество фотографий запечатлели боевые действия народных мстителей.
В тяжелые для Москвы дни в оккупированных районах области действовал 41 партизанский отряд численностью свыше 1500 человек. Для борьбы с врагом помимо партизанских отрядов, по указанию Московского комитета партии и командования Западного фронта, были созданы и действовали в тылу врага истребительно-диверсионные отряды, состоявшие, как и партизанские отряды, в основном из коммунистов и комсомольцев.
В экспозиции приведены некоторые результаты боевой работы партизан. За время оккупации Московской области было уничтожено 847 грузовых и легковых автомашин,

заминировано более 80 дорог, освобождено 20 населенных пунктов. Истреблено было свыше 7 тысяч гитлеровских солдат, в том числе 350 офицеров.
Успешные действия партизан Подмосковья укрепляли уверенность населения оккупированных районов в победе над врагом.
Советское правительство высоко оценило боевую деятельность партизан Подмосковья. 131 человек был награжден орденами, 332 человека получили медали «Партизану Отечественной войны». Звания Героя Советского Союза были удостоены Зоя Космодемьянская, Сергей Солнцев, Михаил Гурьянов и Илья Кузин.
Но вернемся к тем дням, когда Зоя еще только узнала, что ее направляют во вражеский тыл, и прибыла на первый пункт назначения. Она просила мать не говорить Шуре, куда и зачем уезжает.
31 октября Шура рано собрался на завод. Решив, что сестра уезжает к родным в Осиновые Гаи, он, прощаясь, пожал ей руку.
— Обними деда, — сказал он. — И бабушку. Счастливого тебе пути!.. Я рад: в Гаях тебе будет спокойнее.
Однажды, уже после отъезда Зои, Любовь Тимофеевна, перебирая бумаги дочери, нашла ее записную книжку.
На одной из страниц — из «Фауста»:

Лозунг мой в этот миг —
Битва, победный крик.

Пусть! На крыльях своих
Рвусь туда!
Рвусь в боевой пожар,
Рвусь я к борьбе.

И ниже:
«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России» (Салтыков-Щедрин).
Последняя запись:
«Прощай, прощай и помни обо мне!» («Гамлет»).
…Зоя приехала на Чистопрудный бульвар, к кинотеатру «Колизей» задолго до назначенного срока. Познакомившись с Клавдией Милорадовой, Зоя призналась ей, что боялась опоздать.
В дороге Зоя и Клава сидели рядом в автобусе и успели друг другу многое рассказать о себе.
Как свидетельствует Милорадова, с каждой из девушек, прибывших на базу, беседовали в штабе. Комиссар Никита Дорофеевич Дронов спрашивал всех об одном:

знают ли девушки, насколько рискованна предстоящая им работа в тылу врага. Готовы ли они к самому худшему, если попадут в руки врага? Есть еще время подумать, отказаться от своего решения.
На следующий день в шесть часов утра вся группа вышла на тактические занятия в лес. Своего решения девушки не изменили.
События на фронте не оставляли времени для долгой подготовки. С утра до самого вечера упражнялись в стрельбе, учились пользоваться компасом, ориентироваться на местности, подрывали толовые шашки, ползали по-пластунски, устраивали перебежки, бросали гранаты, учились закладывать мины, оказывать первую помощь раненым. А вернувшись на базу, опять и опять разбирали и собирали оружие. Делали это в темноте, на случай, если придется им пользоваться ночью.
В ночь на 4 ноября девушки-москвички дали клятву-присягу:
«Вступая в ряды народных мстителей, перед лицом моей Родины, моего народа клянусь… не выпускать из моих рук оружия, пока священная земля социалистической Родины не будет очищена от немецко-фашистских оккупантов… Обязуюсь соблюдать строжайшую дисциплину и тайну. Да постигнет меня суровая кара — смерть, если я струшу в борьбе или нарушу священную клятву партизан».
Так московская школьница Зоя Космодемьянская стала партизанкой.
В этом же зале собраны материалы, рассказывающие о том, как формировался отряд, в котором действовала Зоя, о ее боевых товарищах и подругах.
Когда Московскую область очистили от оккупантов, многие бойцы ушли в партизанские отряды Смоленщины, в действующую армию.
Вот имена боевых товарищей и подруг Зои Космодемьянской.
Крайнов Борис Сергеевич, командир отряда, в котором воевала Зоя. Уроженец Ярославской области. В 1940 году Борис Крайнов по путевке комсомола был направлен в Горький на шестимесячные курсы ВЦСПС по подготовке инструкторов физической культуры. С первых же дней войны ему поручили вести военные занятия с комсомольскими активистами. В октябре, когда враг подходил к столице, Крайнов сопровождал в Москву первый отряд ярославских добровольцев — 35 человек. Центральный Комитет комсомола направил их в в/ч 9903.
Борис Крайнов участвовал во многих диверсионных операциях, вместе с ним уходила Зоя на свое последнее задание.
С января 1943 года Борис Крайнов служил во 2-м воздушно-десантном гвардейском стрелковом полку 125-й гвардейской Уманской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, был командиром отделения.
5 марта 1943 года в бою за деревню Кошельки Ленинградской области Борис Крайнов погиб. Он погребен неподалеку, в селе Ефремове (ныне Новгородская область). На скромном памятнике надпись: «Здесь похоронен Б. Крайнов — командир

партизанского отряда, под руководством которого сражалась Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская…»
Проворов Павел Сергеевич, заместитель командира группы, комсомолец, 1923 года рождения, уроженец деревни Ильмовик Мусорского сельсовета бывшего Ермаковского района (ныне Череповецкий район Вологодской области). В двух операциях он действовал вместе с Зоей. Когда Московская область была освобождена от оккупантов, Проворов в составе партизанского отряда сражался в Смоленской области. Погиб в январе 1942 года в Кармановском районе.
Волошина Вера Даниловна, 1919 года рождения, комсорг отряда, студентка третьего курса Московского кооперативного института. С самого начала войны строила оборонительные сооружения в Москве, затем по личной просьбе была направлена в тыл врага.
25 ноября 1941 года в тылу врага у деревни Якшино Вера Волошина исчезла. Лишь в результате длительных поисков шестнадцать лет спустя студенты кооперативного института узнали о судьбе комсомолки. Тяжело раненную ее подобрали гитлеровцы, допрашивали, пытали несколько дней. Так ничего и не узнав от нее, фашисты повесили девушку на придорожной иве близ Головкова. Местные жители похоронили ее тут же у ивы. Позднее прах был перевезен в село Крюково, в братскую могилу. Это всего в нескольких километрах от того места, где была казнена Зоя. И казнили девушек в один и тот же день…
В Кемерове, где родилась Вера Волошина, ее именем названы улица и школа. В московском институте, где училась она, создан музей. Имя партизанки навечно занесено в списки студентов экономического факультета кооперативного института. В канун 20-летия Победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР Вера Волошина посмертно была награждена орденом Отечественной войны I степени.
Пахомов Константин Федорович, Галочкин Николай Александрович, Кирьяков Павел Васильевич, Каган Николай Семенович, Ординарцев Виктор Васильевич- все с завода «Серп и молот». Луковина-Грибкова Александра Васильевна, Полтавская Евгения Яковлевна — студентки Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина; Маленков Иван Александрович — рабочий с завода «Москабель». Комсомольцы, прибывшие в часть вместе с Зоей, героически погибли при выполнении боевого задания, попав в засаду гитлеровцев в районе деревни Ченцы, под Волоколамском.
28 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил патриотов орденами Ленина. На братской могиле установлен обелиск. На месте гибели комсомольцев воздвигнут памятник.
Кузьмина Мария, комсомолка, студентка Московского педагогического института,

родилась в деревне Постниково Смоленской области; Мартынова Софья, комсомолка, учащаяся, 1921 года рождения (других сведений о ней нет). Приехали на базу вместе с Зоей. 4 ноября 1941 года подорвались на мине.
Зоричева Валентина Федоровна, 1923 года рождения. Работала на прядильно-ткацкой фабрике имени Фрунзе в Москве. Прибыла в отряд 29 октября 1941 года по направлению Москворецкого РК ВЛКСМ. Шла на задание вместе с Зоей с 4 по 11 ноября, ставила мины на дорогах, разбрасывала колючки. Пробыла в в/ч 9903 до марта 1942 года. Награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, медалью «За боевые заслуги». Ныне живет в Москве.
Булгина Лидия Александровна, 1922 года рождения, комсомолка. Выполняла боевые поручения, много раз ходила в разведку. В результате перенесенных лишений тяжело заболела. В послевоенные годы поселилась в г. Рыбинске. Награждена орденом Красной Звезды.
Самойлович Наталья Трофимовна, 1922 года рождения. До прихода в отряд работала в Москве на Ростокинской камвольно-прядильной фабрике. В конце войны получила ранение в ноги. Долго была прикована к постели. Выздоровев, вернулась на фабрику, работала нормировщицей. Ныне — инженер.
Н. Т. Самойлович оказала большую помощь студентам кооперативного института в розыске данных о Вере Волошиной и установлении ее личности.
Обуховская Наталья Михайловна, 1918 года рождения, комсомолка. Жила и работала под Москвой, в Ильинском. Прибыв на базу вместе с Зоей, участвовала с ней в выполнении задания. После войны переехала на жительство в г. Калинин.
Милорадова Клавдия Александровна, 1920 года рождения, уроженка Воронежской области, комсомолка, в Москве работала учительницей. Самая близкая из боевых подруг Зои. Одной из первых в отряде была награждена орденом Красной Звезды. Прошла весь долгий путь войны. Многое сделала для увековечения памяти Зои. Член совета музея.
Кирюхин Иван Кузьмич, комсомолец, 1923 года рождения, жил в Никольском Московской области. Действовал в группе Проворова. Был ранен.
Виноградов Сергей Васильевич, Лещев Дмитрий Иванович, Колесников Иван Егорович, Смирнов Иван Григорьевич, Голубев Алексей Федорович, Масин Николай Павлович, Красавин Александр, Голосов Алексей, Емельянов Иван Леонтьевич, Прохоров Владимир, Баскаков Валентин. Всю эту группу сопровождал Борис Крайнов из Ярославля. Комсомольцы, рабочие, учащиеся, многие из которых до войны были комсомольскими активистами, прошли в Ярославле курс военной подготовки. Ярославцы храбро сражались в отряде, совершали смелые вылазки во вражеский тыл. Не вернулся домой Сергей Виноградов. Он погиб 15 октября 1944 года.
Воронина Александра Федоровна, москвичка, комсомолка, на базу прибыла вместе с

Зоей. Совершала диверсии, была в отряде медсестрой. Позже была переведена на работу в госпиталь.
Маханько Тамара, Морозов Николай — московские школьники, 16-летние подростки. До сих пор не выяснено, как они попали в отряд. Зоя подружилась с ними, считала себя их наставницей. Выполняя поручение отряда, Тамара и Николай погибли.
Работники музея, московские комсомольцы, пионеры продолжают поиск материалов о боевых друзьях Зои Космодемьянской.
Недолго им пришлось быть рядом, мало они знали друг о друге Разные это были люди, из разных мест. Но свела их вместе общая тревога за судьбу советской Родины, сплотило их всех одно желание — во что бы то ни стало победить врага.
И не случайно экспозицию венчают вещие ленинские слова:
«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

ВО ИМЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ
(Зал третий)

Мы переходим в следующий зал.
Собранные тут материалы в оригиналах и фотокопиях повествуют о большом мужестве патриотки, ее пламенной любви к Родине, глубочайшей вере в победу над гитлеровскими захватчиками.
Здесь — стол, за которым фашисты допрашивали юную партизанку, дубовая лавка, на которой провела она последнюю ночь перед казнью…
…Напомним, что Зоя прибыла в отряд 31 октября 1941 года. Время требовало быстрых и решительных действий. И вот уже на пятый день комсомольцам дано боевое задание: перейти под Волоколамском линию фронта, углубиться в тыл врага с целью минирования шоссе и порчи ближайших к шоссе дорог.
На выполнение этого задания 4 ноября 1941 года шла и Зоя.
Вернувшись на базу, комсомольцы узнали, что 7 ноября, в день 24-й годовщины Октября, в Москве на Красной площади состоялся парад войск, а накануне проходило торжественное заседание Моссовета совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвященное празднику.
Тогда же Зоя решила написать письмо домой.
Любовь Тимофеевна этого письма не получила, но Клавдия Милорадова знала, о чем

писала подруга, — Зоя поделилась с ней. Она напомнила матери, как однажды остановилась вместе с ней на улице у плаката: «Чем ты помог фронту?», а мать поторопила Зою и сказала: «Ты еще девочка!». «Твоя девочка уже приняла первое боевое крещение, ты можешь за нее не беспокоиться», — писала Зоя.
Как правило, на каждое задание, в зависимости от сложности, назначалась определенная группа комсомольцев, в которую наряду с новичками входили партизаны, уже имеющие опыт боевой работы.
Милорадова пишет в своих воспоминаниях:
«…Я заметила одно, в чем потом с каждым днем убеждалась все больше: с Зоей не страшно. Она все делала очень точно, спокойно, уверенно. Может быть, поэтому все наши любили ходить с нею в разведку».
Зоя сдружилась с девушками, но с ребятами держалась несколько официально. Даже 16-летнего Колю. Морозова она называла на «вы». Она не терпела грубости, считала, что грубость — это признак недостаточной воли С уважением она относилась к Борису Крайневу — сдержанному, рассудительному, спокойному. У него многому, можно было научиться, а главное — стойкости.
Борис в свою очередь присматривался к Зое. Он ценил в ней настойчивость, умение влиять на других. Он был уверен, что Зоя не оплошает ни при каких обстоятельствах, и потому доверял ей в группе наиболее трудное дело.
20 ноября группа Крайнева получила очередное задание:
«Вам предлагается проникнуть через линию фронта с задачей сожжения военных объектов противника в следующих населенных пунктах, оккупированных фашистами: Анашкино, Петрищево, Ильятино, Пушкино, Бугайлово, Грибцово, Усадково, Гранево, Михайловское, Коровино. Срок выполнения задания пять — семь дней с момента перехода линии фронта. По возвращении из тыла противника в расположение частей Красной Армии докладывать все, что вам известно о противнике».
Дни подготовки к заданию были до предела напряженными. Уже выпал снег, и группы формировались из людей, умеющих ходить на лыжах. На занятиях проводились тренировочные лыжные переходы, партизаны знакомились с маршрутными картами, запоминая ориентиры, — болота, перелески, проселочные дороги, мостки через речки, названия и расположение населенных пунктов.
Зоя отличалась хорошей памятью и на проверках безошибочно отвечала на все вопросы.
Обеспокоенная тем, что из дома до сих пор не было письма, Зоя, готовясь к новому заданию, 15 ноября написала открытку: «Здравствуйте, дорогие мои мама и Шура. Жду от вас весточки. У меня это второе к вам письмо. Я жива и здорова. Ваша Зоя».
Перед выходом на задание она отправила третье письмо.
«Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если

есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, приеду навестить домой. Твоя Зоя».
Это письмо датировано 17 ноября, и оно оказалось последним.
Они выехали на задание в направлении Верейского района двумя группами — Крайнева и Проворова, по десять человек в каждой, на двух машинах. Лыжи пришлось оставить, погода портилась.
На этот раз Зоя была в группе Проворова. Из девушек с ней были Милорадова и Обуховская.
Вооружились по-разному: у Крайнова и Проворова — по автомату и пистолету, у других ребят — винтовки, гранаты. У Зои и девушек — по нагану. В сумке Зои, как и у всех, бутылки с зажигательной смесью.
В вещевом мешке — запас боеприпасов, термитные шарики, тол, продукты питания, санитарный пакет.
В деревне Обухово, где поблизости занимала оборону 27-я Дальневосточная краснознаменная дивизия, прибывшая на защиту Москвы, комсомольцев разместили на короткий отдых. В ночь на 23 ноября полковые разведчики повели их к месту, где намечался переход через линию фронта.
Это был небольшой легкий мостик через реку Нару у самого ее истока. Другого прохода не было. Но вражеские пулеметчики пристреляли его, поэтому перебираться пришлось под огнем. Один из полковых разведчиков был ранен. Пока Воронина перевязывала солдата, отряд перебежками продвигался к лесу.
Обе группы еще держались вместе, и общее командование взял на себя Крайнов. Они уже натыкались на проволочные заграждения, поэтому командир решил разведать, нет ли в лесу засады противника, его «кукушек», оборонительных завалов. В эту разведку пошли Самойлович, Кузьмин, Волошина, Голубев. Вернулись они через два часа и провели отряд на несколько километров вперед вдоль леса.
Вскоре стало ясно, что группа сбилась с направления на Верею. Надо было разыскать верную дорогу. В новую разведку вызвались Булгина, Самойлович и Кузьмин. Дороги они не нашли.
Остаток ночи и первую половину следующего дня, пока не вернулась разведка, провели в лесу. Падал сырой снег, дул холодный ветер. Костер опасались разжечь; все замерзли, проголодались.
Решили двигаться дальше лесом. Шли петлями, чтобы запутать следы на снегу на случай, если появятся гитлеровцы. Наконец вышли к проселочной дороге. Узнать, что там, пошла Зоя. Она была в своем коричневом пальто, на руках домашние варежки, на ногах сапоги. В таком виде она вполне могла сойти за местную жительницу и не вызвать подозрения при встрече с врагами.
На дороге было тихо. Время от времени проходили по ней конные обозы, грузовые

машины. Дорога, насколько видит глаз, почти прямая, без поворотов. Только куда она ведет — неизвестно.
Но Зоя, однако, помнила из наставления перед отправкой на задание, что за деревней Обухово, на западном берегу Нары, после того как лес будет пройден, должна открыться проселочная дорога, которую надо пересечь. В полукилометре от нее — глубокий овраг, за ним — поле, а дальше шоссейная дорога, за которой простирается еще одно поле, затем — опять лес. Это ориентиры к деревням Анашкино, Грибцово, Петрищево.
Она сказала об этом Крайнову, тот проверил по карте обведенный кружком район и решил направить двух человек посмотреть, есть ли тут неподалеку овраг, а за ним поле.
В разведку направили Космодемьянскую и Милорадову. Вернулись они возбужденные — предположение подтвердилось.
— Значит, мы близко у цели, — обрадовался Крайнов. — Подождем, пока стемнеет, тогда и двинемся в путь. А сейчас — на отдых.
Вновь вернулись в глубь леса, разожгли небольшой костер. Немного обогрелись, сварили концентраты, поели.
— Рассказали бы вы что-нибудь, москвички, про ваш город, — попросил Крайнов. — Никто из нас, ярославцев, ни разу не был в Москве. Только вот проехали по улицам, когда в отряд направлялись.
С большим вниманием слушали Зою. Она рассказывала о Москве праздничной и будничной, о музеях и театрах, об истории московских улиц, о своей встрече с Гайдаром. И вдруг, без всякого перехода, прочитала отрывок из стихотворения Багрицкого «Смерть пионерки»:

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Потом она читала стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского. И сама же себя оборвала:

— Неужели всего этого может не быть? Не будет Пушкина, Чайковского, Левитана. Неужели мы допустим, чтобы фашисты все это растоптали? А ведь здесь рядом —

Бородино!
И снова прочитала:

— Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

«Я никогда прежде, — писала Милорадова, — не слышала, как она читает стихи. Это было необыкновенно: сумерки, лес весь в снегу, костер горит, и Зоя говорит тихо, но звучно и с таким чувством, с таким выражением».
Когда совсем стемнело, двинулись в путь. Поодиночке перешли дорогу, собрались в овраге. С трудом выбирались по крутому откосу. Впереди — поле.
Крайнов распорядился идти за ним по двое, через каждые десять минут. Последнюю двойку замыкал Проворов.
К шоссе приблизились во втором часу ночи. Справа и слева через равные промежутки времени вспыхивали какие-то огоньки и сразу гасли. По одному между вспышками огней пересекли шоссе.
Потом выяснилось, что эта предосторожность была не лишней. Здесь протянулась вторая линия обороны гитлеровцев. Разведчики попали в тиски.
Всю ночь шли по полю, открывшемуся за шоссе, держась на юг. Пашня еще не затвердела, грязь липла к валенкам. То и дело обо что-то спотыкались, падали. Поднимались, шли дальше. Лишь под утро увидели: это трупы. Дорого же заплатили фашисты за каждый метр подмосковной земли! И не так уж им спокойно, наверное, если не спешат убрать своих солдат.
В лес входили осторожно. Сначала выслали разведку: Волошина, Голубев, Самойлович. Остальные выждали некоторое время, потом пошли, как было условлено, следом за ними.
И вдруг затрещал пулемет. Пули летели над головами, а справа, со стороны шоссе нарастал гул моторов — шли танки.
Неожиданно стрельба прекратилась. Вероятно, пулеметчик тоже прислушивался к этому гулу. Крайнов скомандовал перебежками скрыться в лесу. Но тут снова заговорил пулемет. Спасаясь от огня, ребята бросились врассыпную. Одни устремились туда, где скрылись разведчики, а Крайнов, Булгина, Милорадова и Космодемьянская вынуждены были свернуть вправо, так как огонь уже был направлен на них.
Больше часа ушло на то, чтобы отыскать относительно безопасное место, где Крайнов

думал снова собрать отряд. Стрельбы больше не было. Прислушивались к каждому шороху — их никто не искал.
Это насторожило Крайнова. Он не мог понять, почему пулеметчик прекратил огонь, ведь он хорошо видел разведчиков? Не может быть, чтобы гитлеровец пощадил партизан. И, если о их появлении он никому не сообщил, значит, знает, что все равно партизаны — в ловушке. А не стрелял потому, что хотел взять их живыми.
Вскоре выяснилось, что это так. Когда Крайнов попытался вернуться на то место, откуда все разбежались, над головой засвистели пули. Пулеметчик как будто гнал обратно в лес, не выпускал из него.
— Живыми не сдадимся, — приказал Крайнов. — И будем пробиваться дальше по лесу.
Погода портилась, снег повалил крупными хлопьями, небо стало хмурым. Сразу потемнело, точно перед грозой. Прячась за деревьями, двинулись вперед в надежде, что встретят остальных товарищей. Крайнов не знал тогда, что и вторая группа комсомольцев оказалась разобщенной. После долгих поисков лишь одна Воронина нашла Волошину, Голубева и Самойлович.
Об этом рассказывает сама Александра Воронина:
«Когда я добежала до опушки, увидела троих ребят-новичков. Немецкий пулемет замолк. Стало сразу очень тихо, но за каждым кустом нам грозила опасность. Сказав ребятам, чтобы они не расходились, я отправилась на поиски других товарищей. Шла около часа. Услышала шорох шагов: навстречу идет человек. Я взвела курок нагана… Какова была радость, когда увидела Алексея Голубева! Значит, где-то рядом и Вера Волошина, и моя задушевная подруга Наташа Самойлович. Встретила их — обнялись. Но где остальные? Где наши командиры?
…Алексей Голубев, бывший раньше заместителем Павла Проворова, стал командиром нашей небольшой группы. В поисках отряда долго бродили по лесам и проселочным дорогам, послали разведку в одну деревушку. Заночевали в густом кустарнике… Когда поняли: найти отряд невозможно — заколебались. Наташа настаивала на выполнении задания, Голубев считал необходимым возвратиться… Поэтому все-таки попробовали действовать — подожгли стога сена на околице деревни Болдино… Но проверить, возник ли пожар, не удалось…» (Уже после войны ярославский писатель Е. Савинов, собирая материалы для книги о земляках-комсомольцах, действовавших вместе с Зоей Космодемьянской, разыскал А. Воронину и записал ее рассказ. Мы приводим его по документальной повести писателя «Зоины товарищи». Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1969.)
Однажды утром в лесу группе Голубева встретились несколько советских солдат, выходивших из окружения. Люди были измотаны, голодны. Комсомольцы поделились с ними своим пайком, Воронина перебинтовала раненых.
Ночью группа стала продвигаться в сторону фронта, на восток. Вел всех молодой

танкист. Позади осталась широкая накатанная дорога, вошли в молодой ельник. И сразу же раздалась автоматная очередь.
«Немецкий автоматчик, — рассказывает А. Воронина, — стрелял совсем близко от нас… Я заметила, что упал танкист, и после — Вера Волошина. Я споткнулась и утонула в яме, засыпанной снегом. Один валенок соскочил с ноги, в темноте никак не могла его найти… Отряд отошел в глубь леса. Остановились.
Два человека пошли узнать, что случилось с Верой и танкистом. Разведчики рассказали товарищам, что на поляне лежал труп танкиста, а Веры нигде нет…»
В следующую ночь партизаны и солдаты под руководством лейтенанта Красной Армии вышли к нашей линии фронта. Так закончился поход группы Алексея Голубева.
Два дня спустя после того как отряд распался, Проворов, Обуховская и четверо ребят сошлись с группой Крайнова. Было решено придерживаться старого маршрута. К несчастью, все ребята ослабли настолько, что едва передвигались. Тяжело заболел и сам Проворов. Взять их с собой для выполнения задания Крайнов не решился и поручил Обуховской сопроводить больных обратно на базу. При столкновении с гитлеровцами, предупредил он, в перестрелку не вступать. Важно сообщить представителям советских войск о виденном в тылу врага.
Теперь небольшая группа с Крайневым во главе уходила все дальше во вражеский тыл, в сторону Петрищева. Чаще и чаще она натыкалась на засады в лесу, но благополучно их обходила. Идти становилось все труднее, постепенно силы оставляли ребят. Приходилось останавливаться на отдых. Костер разжигали лишь днем и только в низинах.
До Петрищева оставалось недалеко. Крайновцы уже знали, что в этой деревне расположился штаб 332-го полка 197-й пехотной дивизии гитлеровцев. Но, прежде чем проникнуть в деревню, решили изучить все подходы к ней, определить наиболее важные для диверсии объекты.
Сделать это было поручено Булгиной и Милорадовой. Ушли они налегке, надеясь скоро вернуться, взяли с собой только наганы. Но вышло иначе. Девушки почти вплотную столкнулись с группой вражеских солдат, прочесывавших лес. Чтобы отвлечь фашистов от того места, где остались товарищи, они побежали, прячась за деревьями, в другую сторону. И на этот раз гитлеровцы, должно быть, рассчитывали захватить партизан живыми, стрельбы они не открыли, и это помогло девушкам спастись.
На вторые сутки, голодные и замерзшие, в надежде обогреться и найти что-нибудь съестное, они забрались в какую-то заброшенную землянку. Когда собрались уходить, неожиданно услышали шаги и немецкую речь. Приближались двое гитлеровцев. Милорадова выстрелила первая, не растерялась и Булгина. Фашисты упали замертво. Девушки выскочили из палатки. У одного из убитых свисала через плечо полевая сумка. Они прихватили ее с собой.

Документы, доставленные партизанками, оказались важными для нашего командования.
Ордена Красной Звезды были удостоены они за эти смелые действия.
Когда стало ясно, что с Милорадовой и Булгиной что-то случилось, Зоя попросила Крайнова разрешить ей самой пойти в Петрищево. Но Крайнов из предосторожности послал ее в соседнюю деревню — Грибцово. Если девушек схватили враги, рассудил командир, в Грибцове, наверное, об этом известно, так как фашисты широко оповещали население о каждом пойманном партизане. А пока Зоя будет в Грибцове, Крайнов попытается точно установить место расположения фашистского штаба, казарм, складов.
Собраться условились с наступлением темноты у высокой сосны, возле оврага, за речкой Тарусой. К назначенному часу Зоя благополучно вернулась из Грибцова. Она сообщила, что о партизанках ничего в деревне не слышно.
Было это вечером 25 ноября.
А в первом часу ночи на 26 ноября в Петрищеве загорелись четыре дома, в которых расположились связисты и офицеры. Их подожгли Крайнов и Зоя. Выполнив это задание, Крайнов вернулся на то же место — к сосне, чтобы оттуда прикрыть огнем своего автомата Зою.
Еще накануне диверсии партизаны приметили по другую сторону оврага большой стог сена, огороженный жердями. На всякий случай условились: если Зою будут преследовать, Крайнов подожжет этот стог, чтобы привлечь к нему внимание противника. Застигнутые врасплох пожарами в деревне, гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу. Горело в разных концах, и солдаты метались по площади, перебегая с одной стороны на другую. В этой суматохе Зое удалось свернуть к Грибцову, а затем спрятаться в лесу. Крайнов долго ждал Зою, но она не появлялась. Под утро, так и не узнав, что с ней случилось, командир поджег стог, который мог стать ориентиром для советских бомбардировщиков.
Если вспомнить, что Зоя и Крайнов в последний раз виделись в ночь на 26 ноября, когда и возникли пожары в Петрищеве, и сопоставить с тем временем, когда Зоя совершила там последнюю диверсию — вечер 28 ноября, то станет ясно, что почти двое суток и Зоя и Крайнов оставались в лесу, искали друг друга. Когда же загорелся стог сена за оврагом, Зоя, очевидно, подумала, что Крайнов погиб, выполнив свой долг до конца. И она решила поджечь конюшню с находящимися рядом постройками.
И Зоя снова вернулась в Петрищево. Ее схватили в тот момент, когда, полив керосином охапку сена и сунув ее под створы конюшни, Зоя нагнулась, чтобы зажечь огонь. Она все же успела вытащить наган, но выстрела не последовало. Часовой с силой вышиб его, свернул ей руки за спину. Ему на помощь спешили еще двое гитлеровцев…
В музее есть план Петрищева, на котором обозначены дома, подожженные Зоей.

На левой стороне улицы — четвертый, шестой и двенадцатый, если считать по порядку от самого музея. Всего же по обе стороны этой улицы-площади по девятнадцать домов.
Указан и путь Зои к конюшне: вдоль всей левой стороны, мимо сгоревших домов, через густой перелесок, а затем огороды, вблизи которых и находилась конюшня.
Крайний дом на этой же левой стороне, ближе к конюшне, принадлежал Седовым.
В доме рядом жил приехавший незадолго до войны из Белоруссии С. А. Свиридов. Работал он на торфоразработках, в трех километрах от деревни, местных жителей сторонился. При фашистах он и вовсе ни с кем не общался. Гитлеровцы, однако, заметили его, потому что искали таких, как он, «обиженных» Советской властью — бывших уголовников, кулаков, готовых пойти к ним в услужение ради спасения собственной жизни. И в Свиридове они не ошиблись.
Фашистов бесило, что у них в тылу смело и дерзко действуют партизаны, на борьбу с которыми приходилось отвлекать много сил. Диверсии в Петрищеве, в таком тихом и отдаленном от Москвы почти на 100 километров селении, вызвали панику и страх у оккупантов. По приказу командира 332-го пехотного полка подполковника Рюдерера в Петрищево на следующее же утро после поджогов были согнаны жители из всех окрестных деревень. Гитлеровцы угрожали расправой каждому, кто примет у себя случайного прохожего, кто остановится с ним на улице, не сообщит о нем в штаб. Они требовали, чтобы у каждого дома постоянно дежурили его хозяева, и обещали выплатить по две тысячи рублей за каждого выданного партизана.
Это Свиридов увидел Зою, крадущуюся к конюшне.
…Зою привели в дом Седовых.
Что произошло дальше, первым рассказал в своем очерке «Таня» Петр Лидов. «Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стрижеными, зачесанными наверх волосами».
После первого допроса, раздетую и разутую, партизанку под конвоем перевели через всю площадь в дом Ворониных, где помещался штаб (Дом Ворониных не сохранился, в 1952 году он сгорел от удара молнии. Ныне предполагается создать макет дома и воспроизвести обстановку, в которой проходил допрос). Здесь новый допрос учинил сам подполковник Рюдерер. Он требовал, чтобы она сообщила, когда и с кем перешла линию фронта, назвала место, где находится партизанская база, фамилии и имена ее товарищей, командира и комиссара отряда, ее собственное имя, откуда и кто она.
Как потом рассказывала хозяйка дома Евдокия Петровна Воронина корреспонденту «Правды» Петру Лидову, она, загнанная на кухню фашистами, видела, как более двух часов немцы допрашивали девушку. На все вопросы партизанка отвечала: «Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет». Взбешенный старший офицер приказал солдатам снять свои ремни и бить ее, пока не добьются признания. Истязания девушки привели в ужас

даже молодого офицера, который не смог вынести этого зрелища и, обхватив голову руками, выбежал из комнаты.
Около двухсот ударов насчитала Евдокия Петровна Воронина, но девушка стойко терпела боль, не просила пощады.
С девушки стянули теплые брюки и босую, в одной сорочке, перевели в третий дом, Василия Александровича Кулика, где размещалось 26 солдат (Сейчас дом В. А. Кулика передан музею. Он реставрирован и открыт для посетителей. По рассказу жены Василия Александровича Кулика в доме восстановлена обстановка, какая была в нем в момент прихода гитлеровцев). Ее посадили на край лавки, руки привязали к дверной скобе. Начались новые издевательства. Солдаты прижигали ее окурками, подносили горящие спички к ушам, подбородку, носу. В полузабытьи она попросила пить. Василий Кулик подошел к кадушке с водой, хотел зачерпнуть кружку, но один из солдат оттолкнул его и поднес ко рту девушки керосиновую лампу.
Через некоторое время солдаты ушли спать, но муки Зои продолжались. Приставленный к ней часовой вывел ее на улицу и, почти вплотную приставив штык, долго, пока сам не продрог, водил ее босую по морозу. И так через каждый час фашист выводил девушку на мороз на пятнадцать — двадцать минут.
Сменивший в карауле первого солдат разрешил, наконец, Зое прилечь на лавку. Он даже развязал ей руки и дал попить воды.
Прасковья Кулик заговорила с девушкой.
— Ты чья будешь? — спросила она.
— А вам зачем это?
— Сама-то откуда?
— Я из Москвы.
— Родители есть?
Девушка замолчала. До утра она пролежала не двигаясь, не сказав больше ни слова. Но Прасковья Кулик снова обратилась к ней:
— Позавчера это ты была?
— Я… Фашисты сгорели?
— Нет.
— Жаль. А что сгорело?
— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело…
Рано утром пришли офицеры и опять допрашивали ее. Потом принесли ее вещи: кофточку, стеганые брюки, чулки, вещевой мешок. Теплая шапка, варежки, вязаная фуфайка, сапоги исчезли. Их уже поделили между собой солдаты.
Офицеры приказали Прасковье Кулик помочь девушке одеться. На обмороженные ноги с трудом удалось натянуть чулки. На грудь партизанке повесили доску с надписью на русском и немецком языках: «Поджигатель».

Так вывели ее на площадь, к месту казни. Собрав остатки сил, она оттолкнула двух солдат, державших ее под руки, и, превозмогая боль во всем теле, пошла сама к виселице.
Вокруг уже столпились солдаты и офицеры. Пригнали сюда и местных жителей — женщин, стариков, детей. Пока шли приготовления к казни, многие из них разошлись. Оставшихся окружили солдаты — уйти им не дали.
Фашисты были любителями фотографировать пытки и казни. И не думал унтер-офицер Курт Овелц, что снимки, сделанные им «на память» для себя и друзей, через несколько месяцев станут известны миллионам людей не только как документы, вновь и вновь обличающие фашистский «новый порядок», но и как свидетельство мужества и бесстрашия юной советской патриотки.
Гордо вскинув голову, Зоя обернулась к палачам: — Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня!..
— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? — обратилась она к петрищевцам. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!
Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ… Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!..
Целый месяц провисело тело Зои на площади, фашисты не разрешали его снимать. В ночь под Новый год перепившиеся солдаты изуродовали его. Только когда советские войска гнали фашистские полчища от Москвы, подполковник Рюдерер, заметая следы расправы, распорядился виселицу спилить.
Вечером 1 января Свиридов с помощью солдат вырыл яму на краю села, и в нее бросили ни во что не завернутое, с обрывком веревки на шее тело партизанки.
12 января 1942 года фашисты поспешно бежали из Петрищева.
В тот же день в Петрищево вступили части 108-й стрелковой дивизии Красной Армии.

ПО СЛЕДАМ ПОДВИГА
(Зал четвертый)

Вымещая свою злобу за провалы и неудачи в планах захвата Москвы, гитлеровцы замучили, расстреляли, повесили тысячи жителей подмосковных сел и городов. По данным на 25 января 1942 года, фашисты сожгли на оккупированной территории Московской области свыше 5 тысяч жилых домов в городах и несколько десятков тысяч домов колхозников. Они уничтожили 761 школу, 164 больницы, сотни детских яслей, более 800 изб-читален, клубов, библиотек, кинотеатров. Все это видели советские

воины, освобождавшие Подмосковье.
В те дни корреспондент «Правды» Петр Лидов остановился на ночлег в одном из домов в двадцати километрах от Можайска. Здесь он разговорился со старым крестьянином из деревни Красновидово. И тот рассказал ему о девушке, которую гитлеровцы повесили в деревне Петрищево. Услышав этот рассказ, Петр Александрович твердо решил узнать о судьбе казненной девушки.
По пути в эту деревню Лидов еще раз услышал о неизвестной партизанке. Здесь же он встретился с фотокорреспондентами «Правды» Михаилом Калашниковым и Сергеем Любимовым.
В музее экспонируется снимок, сделанный встретившимися Лидову друзьями: супруги Кулик рассказывают корреспонденту о том, чему были свидетелями, показывают место казни Зои.
В доме Ворониных в Петрищеве Лидову показали ремни из прочной воловьей кожи, которыми гитлеровцы избивали партизанку. Показали ему стол, за которым Рюдерер вел допрос, место у порога, где фашисты били Зою ногами. Лидов много беседовал с очевидцами казни Зои и по их рассказам записал ее последние слова.
Он пробыл в деревне несколько дней, обходя каждый дом, проверяя и выясняя подробности появления неизвестной девушки Тани (Таней она назвалась одному из верейских партизан), ее смелых действий, ее поведения в стане врага. И только после этого поехал в Москву, чтобы немедленно же вернуться обратно в Петрищево с комиссией МГК комсомола и с фотокорреспондентом, вместо Калашникова и Любимова, отправившихся на передовую линию фронта.
Было решено вскрыть место захоронения партизанки, чтобы установить, кто она, и проводить ее в последний путь с воинскими почестями.
И вот 27 января 1942 года в «Правде» появляется очерк «Таня» и снимок Сергея Струнникова с подписью: «Труп комсомолки-партизанки Татьяны, зверски замученной и повешенной гитлеровскими бандитами в деревне Петрищево Верейского района Московской области».
Уже позже, в августе 1943 года, Лидов записал в своем дневнике об этом потрясающем снимке: «Есть много портретов Зои Космодемьянской. Одни художники добились портретного сходства с оригиналом, другие за сходством не гнались, старались постичь и выразить внутреннюю сущность этого человека, его порыв, его идею. И те и другие портреты хороши, пока на них смотришь. Но когда я закрываю глаза, то представляю себе Зою, какой я видел ее в первый и последний раз, — на снегу у разрытой могилы».
Вечером 27 января 1942 года Любовь Тимофеевна услышала по радио, что будет передана статья Лидова «Таня», напечатанная в газете «Правда». Она успела выслушать только самое начало:
«В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили

восемнадцатилетнюю комсомолку — москвичку, назвавшую себя Татьяной…»
О чем дальше в статье шла речь, Любовь Тимофеевна в тот день не узнала. Шура выключил репродуктор, сославшись на то, что радио мешает уснуть.
Причина, однако, была иной. Еще утром он прочитал в газете статью Лидова, вырезал и спрятал сопровождавший статью снимок — изуродованный труп партизанки с веревкой на шее. По всем приметам, описанным корреспондентом: «…девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стрижеными, зачесанными наверх волосами» — и по снимку он узнал Зою, но все же надеялся, что ошибся. Ведь он знал, что Зоя уехала в Осиновые Гаи, и решил матери ничего не говорить, пока не выяснит все окончательно.
На следующее утро он пошел в Тимирязевский райком комсомола, пытаясь узнать о погибшей, показал там газету, но ему сказали, что пока о Тане известно только то, о чем сообщила «Правда».
Вновь и вновь каждое утро приходил Шура в райком и спрашивал, нет ли новых сведений о партизанке Тане.
Вечером 6 февраля райкомовцы попросили его передать матери, чтобы утром 7 февраля она пришла в райком. Шура уже знал правду, но сказать матери о гибели Зои не решился. Уходя на работу, он оставил ей лишь короткую записку: «Мамочка, тебя просили зайти в райком ВЛКСМ».
Приехав туда, Любовь Тимофеевна узнала, что товарищи из Московского комитета комсомола, с которыми она должна была встретиться здесь, ее не дождались и поехали к Космодемьянским домой.
На пороге Любовь Тимофеевну встретили:
-…Вы читали в «Правде» о Тане? Это ваша Зоя… На днях мы поедем в Петрищево.
Очерк Лидова, написанный по горячим следам, когда еще подлинное имя партизанки и не все обстоятельства были известны, вызвал у советских людей вместе с чувством гордости и гнева естественное желание узнать, кто же была девушка Таня. Уже в день выхода газеты в редакцию с этим вопросом обращались с заводов и фабрик, из воинских частей, комсомольских организаций.
«Хочу знать всю правду о Тане, — записал в своем блокноте и сам Петр Лидов, — и всю правду рассказать о ней. Я в ответе за память об этой девушке перед людьми».
Очерк Лидова прочитали и боевые друзья Зои — Борис Крайнов и Клавдия Милорадова. Они узнали Зою.
Узнал по снимку партизанку и Дронов. К тому времени штаб части уже находился в Москве, на Красноказарменной улице. Сюда приехали Крайнов и Милорадова, полагая, что они могут помочь в выяснении личности казненной в Петрищеве девушки.
В музее хранится акт опознания тела Зои, составленный 12 февраля 1942 года членами комиссии в присутствии Л. Т. Космодемьянской, А. А. Космодемьянского, К. А.

Милорадовой и других.
Здесь хранится также докладная записка секретаря Московского горкома ВЛКСМ в Центральный Комитет комсомола, в которой подробно рассказывается о подвиге юной партизанки и о том, как стало известно, что Космодемьянская З. А. действительно та комсомолка, которую мобилизовал МГК ВЛКСМ и направил в распоряжение разведуправления Западного фронта.
«Из всего вышеизложенного, — говорится дальше в записке, — можно сделать вывод, что комсомолка Космодемьянская Зоя Анатольевна вела себя как истинная патриотка социалистической Родины и погибла смертью героя, как подобает дочери Ленинского комсомола. МГК ВЛКСМ вместе с разведуправлением Западного фронта предлагает представить ее к высшей правительственной награде — присвоению звания Героя Советского Союза, оказать соответствующую материальную помощь матери и увековечить ее память переименованием села Петрищева в село Космодемьянское, улицу Александровский проезд (г. Москва), где она жила, в улицу Космодемьянской и поставить памятник на ее могилу в с. Петрищево».
Докладная записка датирована 7 февраля. 18-го в «Правде» появился второй очерк Лидова: «Кто была Таня?»
За день до этого в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Упомянутые в указе имена стоят рядом не случайно. В тот день, когда фашисты казнили Зою, Советское информбюро передало в одном из своих сообщений о том, что соединенные силы партизан Угодско-Заводского района (ныне этот район входит в состав Калужской области) разгромили гарнизон противника, расположенный в поселке Угодский Завод.
В ночь с 23 на 24 ноября сводный отряд партизан ворвался в поселок Угодский Завод, с боем занял здание горкома партии, где размещались гитлеровцы, и захватил важные документы. М. А. Гурьянов был одним из первых, кто воодушевил своим примером окружающих. Во время отхода, прикрывая товарищей, он был тяжело ранен. И при попытке нагнать своих был схвачен фашистами. Его истязали двое суток, требуя выдать партизан. Гурьянов молчал и только раз заявил: «Я — коммунист, а больше ничего не скажу».
Перед тем как его сбросили с балкона, он успел крикнуть палачам:
— Смерть фашизму! Да здравствует коммунизм!
После освобождения поселка от фашистских захватчиков партизаны нашли обезображенный труп Гурьянова.
3 января 1942 года М. А. Гурьянов был с почестями похоронен в сквере у здания горкома партии.
«Бесстрашным», «неуловимым», «грозой волоколамских лесов» — так называли партизаны Волоколамского района 22-летнего комсомольца Илью Кузина. Еще в

детстве он сломал ногу, и по этой причине его в армию не призвали. В августе 1941 года он все же добился разрешения быть зачисленным в партизанский отряд. Его направили под Смоленск, и уже вскоре им было взорвано железнодорожное полотно, по которому гитлеровцы подвозили боеприпасы, и уничтожен вражеский эшелон. Там, где появлялся Кузин, земля горела под ногами врага. Только в одной из операций группа Кузина уничтожила семь автомашин с боеприпасами и горючим, свыше 30 вражеских солдат. Всего же они произвели 150 взрывов: на воздух взлетали склады, мосты, падали под откос воинские эшелоны.

В партизанском отряде под Москвой И. Н. Кузин был принят в ряды партии.

Сразу же после освобождения района И. Н. Кузина избрали первым секретарем Волоколамского райкома ВЛКСМ, а затем после окончания Высшей партийной школы направили на партийную работу.

Илья Николаевич часто приезжал в Петрищево, беседовал с посетителями музея, оказывал музею большую помощь в сборе материалов о партизанской борьбе в Подмосковье.

В музее находятся также материалы о Герое Советского Союза С. И. Солнцеве. Родился он в 1906 году в г. Раменском Московской области. К началу Великой Отечественной войны Сергей Иванович работал в Рузском районе начальником райотдела НКВД. Вскоре он добровольно ушел в партизаны, а затем был назначен Рузским подпольным райкомом ВКП(б) комиссаром Рузского партизанского от ряда. С. И. Солнцев провел 18 глубоких разведок в тыл врага, по данным которых советская авиация бомбила скопления гитлеровских частей в селах Горбово и Богаево, а части 9-й гвардейской дивизии и 144-й дивизии Красной Армии вели боевые действия в районе населенных пунктов: Руза, Морево, Молодяново, Орешки, Корчманово, Вишенки, Редькино, Велькино.

В бою в районе Глубокого озера, у деревни Андреевское, С. И. Солнцев был тяжело ранен и схвачен гитлеровцами. Его пытали мучительно и долго. Пытки не сломили коммуниста.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1942 года С. И. Солнцеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он похоронен на площади Партизан в г. Рузе, в братской могиле, рядом со своими боевыми друзьями, погибшими при выполнении задания.

Вот фотографии пяти комсомольцев из Вереи: Николай Нечаев, Владимир Скворцов, Константин Раков, Борис Захаров, Николай Кононов.

В дни оккупации города группа Нечаева возглавила борьбу молодежи с гитлеровцами. Комсомольцы-подпольщики собрали радиоприемник, слушали Москву и вывешивали на улицах рукописные листовки с сообщениями Советского информбюро. Комсомольцы сумели наладить постоянную связь с верейскими партизанами, передавали им

сведения о расположении вражеских подразделений, организовали помощь попавшим в плен раненым советским воинам. Молодежь саботировала распоряжения фашистского командования, не выходила на работу.
В декабре гитлеровцы напали на след комсомольцев и схватили их. После трехдневных пыток у ручья Раточка их расстреляли.
После освобождения Вереи юных героев с почестями похоронили в центре города, недалеко от школы, в которой они учились. На памятнике крупными буквами высечены их славные имена.
В очерке-брошюре «Таня», изданном уже в апреле 1942 года с подзаголовком «Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская», в который вошли дополненные новыми фактами две прежние публикации в «Правде», Петр Лидов писал:
«Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния, порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа».
Рассказывая о школьных сочинениях Зои и ее записных книжках, Лидов отмечал: «С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о том, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа, — об Ильиче. В этих записях она вся, чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов».
В сентябре 1942 года была опубликована поэма Маргариты Алигер «Зоя», в которой поэтесса с вдохновляющей силой передала чувства всего советского народа к юной героине:

Стань же нашей любимицей, символом правды и силы,
чтоб была наша верность, как гибель твоя, высока…

В том же году Михаил Светлов написал цикл стихов о Лизе Чайкиной, секретаре Пеновского подпольного райкома комсомола Великолукской области, партизанке, выданной предателем и расстрелянной гитлеровцами. Произошло это за шесть дней до казни Зои. Поэт породнил отважных комсомолок:

Одной проходили стезею,
Одни охраняли края
И Космодемьянская Зоя,
И Чайкина Лиза моя!

Ты с нею была незнакома,

Ни разу не виделась с ней…
Так будь хоть в поэме как дома
С чудесной подругой своей!

Сестра повстречалась с сестрою,
Родные друг друга нашли,
И в список народных героев
Вы рядом, обнявшись, вошли.

В своем дневнике Лидов отмечал, что «авторов Тани становится все больше и больше». «Сценарист и автор либретто будут творить легенду, — писал Лидов. — Репортер должен описать все, как было. Для добросовестного репортера, который работает на будущего историка, это очень важно».
Лидову потребовалось много времени, чтобы установить точные даты событий в Петрищеве. Жители села свои тягостные дни отсчитывали по зарубкам на дверных косяках, по узелкам на нитках. По этим приметам они и сообщили Лидову, что казнь произошла в первых числах декабря. Позже, когда был взят в плен унтер-офицер 332-го полка Карл Бейерлейн, была установлена точная дата казни — полдень 29 ноября. Гитлеровец присутствовал при пытках и казни Зои: «Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство… Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего…»
Из дневниковых записей Лидова становится ясно, что он настойчиво разыскивал людей, пытавших и казнивших Зою Космодемьянскую, с целью ускорить справедливое возмездие над фашистскими палачами.
Писатель Виль Дорофеев отмечал, что наконец «пробил час расплаты для ее (Зои. — Ред.) палачей. Уже пойман и допрошен унтер-офицер 332-го полка, один из тех, кто пытал Зою. Разоблачен и приговорен к расстрелу фашистский прихвостень Свиридов, который помог схватить отважную партизанку. Очередь за самым главным истязателем, за подполковником Рюдерером, который допрашивал Зою.
«Я верю, что мне удастся допросить подполковника Рюдерера. Как знать, может быть, мне посчастливится и расстрелять его», — писал Лидов в своих письмах.
В мае 1942 года прах Зои был перевезен в Москву, на Новодевичье кладбище.
Петр Александрович был на очередном задании на фронте, когда хоронили Зою. Но потом всякий раз, возвращаясь по делам редакции в Москву, он приходил к ее могиле. Однажды, вспоминает Любовь Тимофеевна, она встретила там «широкоплечего военного… лет тридцати пяти, с открытым, славным лицом и прямым, проницательным взглядом серых глаз». Они познакомились. Любовь Тимофеевна спросила: «Почему же до сих пор вы ни разу к нам не пришли?» «Боялся, что вам будет тяжело», — ответил

он.
«Вот бывает, — писала о Лидове Любовь Тимофеевна, — знаешь человека годами и ничего не можешь сказать о нем. А тут я и часу не провела с Петром Александровичем, и совсем немного рассказал он о себе, но я знаю о нем очень много, знаю самое главное. Знаю, что он прям и честен, отважен и спокоен, умеет держать себя в руках, никогда не теряется. Знаю, что в трудной фронтовой обстановке не словами, а делом, всем своим поведением он учит окружающих спокойствию и выдержке».
Петр Александрович не считал свою работу над материалами о Зое законченной. «Подвиг Тани и все связанное с ним — это целая эпопея, которая еще не раскрылась перед нами целиком… Имя Тани стало символом стойкости и верности Родине. Любовь Тимофеевна Космодемьянская окружена почетом и любовью: потеряв дочь, она приобрела миллионы дочерей и сыновей. Об этом ей пишут в сотнях писем…»
Он предполагал собрать все письма, полученные как отклик на его очерки редакциями газет, горкомами и райкомами комсомола, политорганами Советской Армии, объединить их в книге. Сделать это Лидову не удалось, он погиб 21 июня 1944 года.
С болью писал об этом Александр Космодемьянский матери:
«Мама, мама! Петр Лидов погиб! Мама, как это страшно, что он погиб так незадолго до победы! Накануне победы погибать — это так обидно. Он погиб на аэродроме под Полтавой: выбежал из укрытия, чтоб увидеть тех людей, которые отражают налет вражеской авиации. Он хотел написать о них — он все хотел видеть собственными глазами. Это был настоящий военный корреспондент и настоящий человек…»
Вместе с Лидовым погиб и Сергей Струнников. «Таня» сдружила их, они стали, как говорил сам Лидов, побратимами не только в жизни, но и в творчестве. Когда в январе 1943 года вышел в свет альбом «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», в котором были собраны лучшие работы Струнникова, на подаренном Лидову экземпляре он написал: «Пете Лидову — товарищу по работе в дни обороны Москвы, ноябрь 1941 года — январь 1942 года, вдохновителю на отображение в фотоснимках того времени».
Музей в Петрищеве бережно хранит материалы о военных корреспондентах-правдистах, первыми и с таким высоким мастерством и вдохновением рассказавших о подвиге Зои.
«Такие документы, как очерк П. Лидова «Таня» в «Правде» от 27 января и от 18 февраля 1942 года,- отмечал Ем. Ярославский,- войдут, быть может, в будущие хрестоматии, в которых мы расскажем всем будущим поколениям о прекрасном образе героической дочери нашей Родины в дни Великой Отечественной войны».
Свыше двадцати изданий на одном лишь русском языке выдержали очерки Лидова в годы войны. Они печатались в сборниках «Библиотека красноармейца»: «В боях за Москву» и «Патриотки» (Воениздат, М., 1942), отдельной брошюрой в серии

Воениздата «Из фронтовой жизни» — «Таня» (М., 1942), в иллюстрированном издании «Таня» Госполитиздата (М., 1942), перепечатывались «Комсомольской правдой», выходили листовками в серии «Герои и подвиги», плакатами «Пять фотографий» в издательстве «Молодая гвардия».

«Таня» каждой строкой своей звала к отмщению, к активной борьбе с оккупантами, поднимала на подвиг во имя отчизны бойцов на фронте, рабочих, колхозников на героический труд в тылу.

В короткий срок по инициативе комсомольцев завода имени Орджоникидзе в г. Горьком молодые горьковчане собрали по подписным листкам, заработали на субботниках и воскресниках деньги на постройку боевой эскадрильи самолетов имени Зои Космодемьянской.

Москвичи-динамовцы, коломенские паровозостроители, электростальские металлурги несли вахты в честь Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

«За Зою!», «За Таню!» — было начертано на фюзеляжах «ястребков», на броне танков, снарядах и минах, на тысячах ящиков с патронами, изготовленных комсомольско-молодежными бригадами в подарок фронту сверх плана.

А вот выдержки из писем с фронта.

«Прочитав в вашей газете за 18/II-42 г. выступление матери Героя Советского Союза Зои Космодемьянской Л. Т. Космодемьянской, нам захотелось написать письмо, но адрес мы ее не знаем. Так решили написать через вашу газету… Дорогая Л. Т., Вы потеряли самого близкого, самого дорогого Вам человека… Утрата тяжела. Мы будем мстить… По поручению бойцов и командиров минбатальона 595 с/п сержант Рудаков. 25/П — 42 г.»

И ниже приписка: «Вчера в бою за населенный пункт, занятый немцами, мы дрались как львы, каждому из нас хотелось отомстить за Вашу дочку…»

Старшие лейтенанты Корягин, Курташев, Митюгов, лейтенант Барсумян и политрук Десятник писали матери Зои с Северо-Западного фронта: «…Ее священный образ пленяет, зажигает, зовет и ведет на битву… В минуту опасности бойцы говорят «Таня», и дух Тани вселяет силу, вселяет отвагу.

«Таня» — это патриотическое имя».

Воины рассказывали в письме, как из рук в руки переходила газета с очерками Лидова, о клятве, данной ими, мстить за героиню. В том же письме они вспоминали, «как в бою под Либавой фашист густой ордою бросился к нашим окопам. Еще минута, и он вскочил бы на наши плечи. Но вдруг впереди во весь рост выросла девушка-связистка:

— Товарищи! Что вы лежите?! Вперед!

Грозный прилив силы рванул нас вперед из окопов. С громовым «ура» бойцы ринулись в штыки на врага.

Погибла девушка-связистка. Но враг был смят и подавлен. Мы не знали ее имени.

Теперь мы зовем ее Таней».
Почему же Зоя назвала себя Таней? Это, видимо, тайна, которая останется нераскрытой. Из прочитанных книг, из рассказов взрослых она знала, что разведчики, заброшенные в тыл врага, жили под чужими именами. Любимым героем ее была Татьяна Соломаха — коммунистка, сельская учительница, о которой она прочла в сборнике очерков «Женщина в гражданской войне». Вероятно, поэтому и назвалась этим именем юная патриотка. Это же самое предполагали и родные Зои — брат и мать. О Зое помнили, когда шли на подвиг во имя свободы и независимости Родины комсомольцы-подпольщики людиновцы, молодогвардейцы, тысячи молодых патриотов. Мать Олега Кошевого, Елена Николаевна, пишет в своей «Повести о сыне»:
«У нас на квартире поселился комиссар, майор Василий Данилович Говорущенко. За несколько дней Олег близко с ним сошелся. О многом они беседовали, но всегда заканчивали разговор о войне, о трудностях ее, о неизбежной победе над врагами. Как-то морозным днем Говорущенко принес свежие газеты… Перебирая их, сын увидел статью о геройском подвиге и смерти Зои Космодемьянской… Статья эта ударила Олега, кажется, в самое сердце… Некоторое время он сидел, опустив голову, задумчивый… Вдруг он поднял голову, взглянул на нас и сказал: «Если бы и мне пришлось попасть в их руки, мама…»
Долго в нашем доме говорили о Зое. Олег слушал, сосредоточенно думая о чем-то своем. Когда пришли газеты с портретом Зои, Олег вырезал его, заботливо вставил в рамку и повесил над своей кроватью».
Священная месть за сестру привела на фронт Александра Космодемьянского. Вскоре после гибели Зои Шура с друзьями уехал учиться в Ульяновское танковое училище. В начале октября 1943 года Александр с отличием окончил училище. По просьбе Космодемьянского его направили на тот участок фронта, где шли бои с остатками 197-й вражеской дивизии, офицеры и солдаты которой казнили Зою.
Уже в рядах действующей армии, на белорусской земле 24 октября он узнал из газет, что под деревней Потапово Смоленской области рядовой Бондарев убил гитлеровского офицера и в его сумке обнаружили фотографии казни Зои. Эти снимки экипаж танка, которым командовал гвардии лейтенант Александр Космодемьянский, вырезал из номера «Правды» и наклеил на броне машины. А 28 октября «Правда» сообщила:
«Действующая армия. 27 октября (по телеграфу). Части энского соединения добивают в ожесточенных боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты которой в ноябре 1941 года в деревне Петрищево замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую. Опубликованные в «Правде» пять немецких фотоснимков расправы над Зоей вызвали новую волну гнева у наших бойцов и офицеров. Здесь отважно сражается и мстит за сестру брат Зои — комсомолец-танкист гвардии лейтенант Космодемьянский. В последнем бою экипаж танка КВ под

командованием тов. Космодемьянского первым ворвался во вражескую оборону, расстреливая и давя гусеницами гитлеровцев. Майор Г. Вершинин».
Во фронтовой газете «На врага» на следующий день, 29 октября, была напечатана заметка Александра: «Я мщу убийцам моей сестры». В ней он вспоминал, как два года назад вместе с матерью был на месте казни Зои. И дальше он писал: «Несколько дней назад мой экипаж участвовал в бою. Тяжелый танк мчался к немецким траншеям с предельной скоростью. Мы с ходу били по немецким блиндажам, огневым точкам, давили вражеских солдат и офицеров, пробивали дорогу своей пехоте. Когда немного стих бой и мы сосредоточились в укрытии, к нам принесли газеты. Я взглянул на фотоснимки, и снова содрогнулась моя душа. Я увидел свою сестру Зою… Злоба поднялась во мне с новой силой. И я еще раз поклялся отомстить… палачам…»
И брат выполнил свою клятву до конца.
12 апреля 1945 года батарея Космодемьянского вывела из строя 6 вражеских орудий, разрушила 18 дзотов, уничтожила 30 и взяла в плен 90 гитлеровских солдат и офицеров.
13 апреля 1945 года командир батареи 350-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского Оршанского полка гвардии старший лейтенант Космодемьянский погиб смертью героя при штурме Кенигсберга.
О гибели сына Любовь Тимофеевна узнала из письма, полученного ею 20 апреля от командира полка, в котором воевал Александр.
«…Прошу: наберитесь мужества и стойкости. Ваш сын гвардии старший лейтенант Александр Анатольевич Космодемьянский погиб смертью героя в борьбе с немецкими захватчиками. Он отдал свою молодую жизнь во имя свободы и независимости нашей Родины. Скажу одно: Ваш сын — герой, и Вы можете гордиться им. Он честно защищал Родину, был достойным братом своей сестры…
Война и смерть — неотделимы, но тем тяжелее переносить каждую смерть накануне нашей Победы».
5 мая 1945 года Шуру похоронили на Новодевичьем кладбище, возле могилы Зои. А на следующий день в газете «Красная звезда» сообщалось:
«Склоните боевые знамена. Пал смертью героя брат Зои Космодемьянской, Александр…
…Чувство мести за смерть Зои, как знамя, вело в бой, к победе советские полки. С этим же священным чувством в груди добровольцем пришел в ряды Красной Армии семнадцатилетний брат Зои — Александр Космодемьянский… Четвертого мая сослуживцы Александра Космодемьянского отдавали последние воинские почести, прощались с героем…»
Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. гвардии старшему лейтенанту Космодемьянскому Александру Анатольевичу за образцовое выполнение

боевых заданий на фронте борьбы с гитлеровскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ВЕЧНО ЮНЫЕ
(Зал пятый)

Зоя и Александр Космодемьянские. Их имена стали олицетворением высокого патриотизма советской молодежи, ее мужества, преданности светлым идеалам родного народа.
В музее есть редкий снимок: на одном из торжественных вечеров Любовь Тимофеевна встретилась с космонавтами Юрием Гагариным и Германом Титовым. Любовь Тимофеевна по-матерински обнимает их, а «звездные братья», улыбаясь, склонили свои головы ей на плечи. Все это так — Любовь Тимофеевна вправе считать себя второй матерью первопроходцев космоса, так же, как и Юрий Гагарин и Герман Титов были вправе сказать ей, что они считают себя ее сыновьями.
«Для нас, — говорил М. И. Калинин, — Шура Чекалин, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, среди партизан носившая имя Таня, не только герои: они — дети живых матерей, братья и сестры живых братьев и сестер».
Рядом можно поставить многие сотни и тысячи других имен героев — все они дети, сыновья и дочери народа. «Ну родилась, ну поступила в школу, ну учусь», — писала Зоя. Действительно, что еще она могла написать в автобиографии: обычная школьница, обыкновенная девочка, разве только со своими особенностями характера. И у Шуры были свои особенности, и у каждого они есть. Но знали такие, как Зоя и Шура, что их дом — это не только собственная крыша над головой, но и улица, на которой живут, город, в котором родились, страна, выпестовавшая их, растившая их живыми людьми среди живых людей.
Еще в военные годы пришло письмо из Англии:
«Дорогой товарищ Любовь Космодемьянская! Мы с женой живем в маленькой квартире под Лондоном. Только что мы прочли о Вашей милой, храброй дочке. Ее предсмертные слова вызвали у нас слезы: сколько храбрости, сколько мужества в такой юной девушке! В начале будущего года мы ожидаем нашего первого ребенка, и, если это будет девочка, мы назовем ее именем Вашей дочери — дочери великого народа первого социалистического государства… Ваш народ войдет в историю как народ, чья отвага, мужество и стойкость сделали возможной победу над фашизмом… Мэйбл и Дэвид Риз».
В апреле 1949 года в Париже, на стадионе Буффало, состоялся митинг участников Всемирного конгресса сторонников мира.

Любовь Тимофеевна вспоминает:
«Я думаю о людях, которые, встречаясь со мной на конгрессе, крепко пожимали мою руку и с бесконечным участием смотрели мне в глаза дружеским, понимающим взглядом. О негритянке, которая обняла меня и погладила по плечу, словно хотела сказать, что горюет вместе со мной. О женщине из Индии, которая все шептала мне одно только слово: «Зоя… Зоя…» И в этом слове было не только сочувствие моему горю, но и преклонение перед духом моего народа. Для спасения человечества от позора, от рабства и истребления Советское государство отдавало не золото, но кровь. Самой дорогой ценою — кровью и жизнью своих детей — наша страна вернула миру право дышать».
В ноябре 1951 года в школу № 201 пришло письмо из Румынии, оно написано на русском языке:
«Дорогой товарищ Люба Космодемьянская!
Я одна из многих девочек Румынской Народной Республики, которая получила счастливую жизнь. Пишу по случаю 10-летней годовщины со дня смерти Зои. Все мы, дети дорогой нашей Родины, Румынской Народной Республики, отмечаем этот день смотром наших успехов в учебе… Дорогой товарищ Люба! Я такая же пионерка, как Зоя, и торжественно обещаю, что буду бороться храбро, как наша Зоя, за мир, защищая всеми своими силами свою Родину и вкладывая во все работы те же старания, какие бы вкладывала Зоя, укладывая кирпичики в фундамент стройки своей дорогой Родины. Зоя всегда будет жить в нашей душе, и дух ее будет проявляться в нашей повседневной работе.
Попеску Санада, школа № 2 для девочек, Кымпина».
Долгие годы бывшая пионерка поддерживала связь с музеем Зои. Подвиг Зои повторила в 1966 году южновьетнамская девушка, юная патриотка Ха Тхи Нгок Оань. В журнале «Освобождение» ей посвящена статья «Вьетнамская Зоя». Очутившись в руках врагов, она не выдала партизанской тайны. После пыток офицер приказал завязать ей глаза и заставлял ее встать на колени, чтобы попросить пощады. Ха Тхи Нгок Оань ответила:
— Нет необходимости завязывать мне глаза, а на колени я все равно не стану.
«Ее расстреляли, гордую и непреклонную».
Пишет венгерская девушка Зоя Сиклаи:
«21 ноября 1971 года, Будапешт.
…Когда мы с поникшей головой вспоминаем о Зое, мы одновременно отдаем честь тем героям, которые в то же время и раньше и позднее пожертвовали своими жизнями ради счастья человечества, ради того, чтобы все мы могли спокойно жить, трудиться, любить».
Есть в ГДР в округе Галле небольшой городок Гребциге. Здесь уже около двадцати лет

существует молодежный ансамбль германо-советской дружбы имени Иоганна Готфрида Гердера. В этой группе есть свой почетный символ — знамя с вышитым золотом портретом Зои. Многолетняя тесная дружба связывает юных музыкантов с музеем в Петрищеве.
Члены группы прислали в дар музею памятный альбом. Открывается он песней «Партизанка из Петрищева», которую написал молодой композитор Хорст Форстер.
От молодых французов в музей присланы материалы о национальной героине французского народа Даниель Казанова, которую они называют французской Зоей.
На присланном в дар музею алом шелковом полотнище с изображением серпа и молота и пятиконечной звезды выткана надпись: «Никогда страна Даниель не будет воевать против страны Зои».
Множество писем, листовок, снимков, газет собрано в музее о Всемирных фестивалях молодежи и студентов за мир и дружбу. С особенным волнением воспринимаются материалы о VI Всемирном фестивале, проведенном в 1957 году в Москве. Тогда тысячи его участников побывали в Петрищеве на месте казни Зои, возложили цветы к недавно воздвигнутому памятнику Зое на Минском шоссе.
Вот что писала газета «Фестиваль» от 8 августа: «В вечернем сумраке стекались колонны на обширную Манежную площадь Москвы. В день 12-летия трагедии Хиросимы люди из разных стран шли к центру города, их лица выражали решимость, их пальцы крепко сжимали древко транспарантов, говорящих «нет!» атомной войне. Над колоннами развевались флаги многих стран.
Пламя факелов и скользящие лучи прожекторов придавали площади особенно торжественный вид. Вдруг величаво зазвучала Пятая симфония Бетховена…
На экране появляется страшный гриб атомного взрыва. Раздается голос Хисако Нагата. Этой хрупкой девушке было десять лет, когда на ее родной город Нагасаки обрушилась атомная бомба. Чудом уцелев среди развалин и пепла, потеряв всех своих близких, Нагата знает цену жизни. Поэтому так внимательно, с затаенным дыханием слушает ее пятисоттысячная масса людей».
В этом номере помещен волнующий снимок: в первом ряду полумиллионной колонны манифестантов идут Хисако Нагата и мать Зои.
…Прошло много лет после того печально-торжественного вечера на Манежной площади Москвы.
«Мы помним эти скорбные величавые минуты. Никто не вправе забывать, какой ценой завоевано наше счастье жить», — писали итальянские девушки, бывшие участницы фестиваля. В память о тех незабываемых днях они прислали в дар музею знамя со своими автографами.
В витринах музея — пионерские галстуки из Кореи, Франции, ГДР, Румынии, Польши, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Монголии. На многих из них начертано имя: «Зоя».

В 16 странах издавалась «Повесть о Зое и Шуре» Л. Т. Космодемьянской. Всего же эта книга издавалась 72 раза на 42 языках народов СССР и зарубежных стран, общим тиражом 2 миллиона 688 тысяч экземпляров.
В Советском Союзе имя отважной партизанки носят 16 653 пионерские дружины, 91 школа, 117 школьных комсомольских организаций. На заводах, фабриках, в учреждениях, школах создано 6912 комнат, посвященных памяти Зои. В городах и селах СССР 436 улиц названы именем Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.
В мае 1960 года, в ознаменование 15-летия победы над фашистской Германией, Новоподмосковная улица в Москве, где жили Космодемьянские, переименована в улицу Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских.
Именами Героев, сестры и брата, Зои и Шуры Космодемьянских, названа 201-я московская школа, в которой они учились. На фасаде здания школы установлены мемориальные доски. Они гласят:

В ЭТОЙ ШКОЛЕ С 1933 ГОДА ПО 1941 ГОД
УЧИЛАСЬ КОМСОМОЛКА-ПАРТИЗАНКА
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ,
ЗВЕРСКИ ЗАМУЧЕННАЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ПАЛАЧАМИ
ПОД МОСКВОЙ В ДЕРЕВНЕ ПЕТРИЩЕВО
ВЕРЕЙСКОГО РАЙОНА 29 НОЯБРЯ 1941 г.

В ЭТОЙ ШКОЛЕ С 1933 ГОДА ПО 1941 ГОД
УЧИЛСЯ КОМСОМОЛЕЦ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ,
ГЕРОЙСКИ ПОГИБШИЙ 13 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА В БОЯХ ЗА РОДИНУ.

29 ноября 1961 года, в день 20-летия гибели Зои, в школе был открыт музей, созданный силами учеников, педагогов и шефов — комсомольской организацией чугунолитейного завода имени Войкова.
У входа в класс, где учились Зоя и Шура, прикреплена табличка: «В этом классе учились Герои Советского Союза Зоя и Шура Космодемьянские».
Школьный музей брата и сестры Космодемьянских создан и на родине юных героев — в селе Осиновые Гаи.
Есть музей Зои и Шуры Космодемьянских и в сибирском селе Шиткине, где некогда жила их семья.
Поток посетителей музея в Петрищеве постоянно растет. Многие оставляют записи в книге отзывов. Так, о своем впечатлении написал Герой Советского Союза Алексей Маресьев:

«Восхищен подвигом Зои.
Желаю нашей молодежи брать пример, как надо любить свою Родину, быть такими же мужественными и стойкими».
Свою запись в книге отзывов оставил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников: «С огромным восхищением, гордостью за нашу ленинскую партию, наш Ленинский комсомол познакомился с новыми экспонатами, рассказывающими о выдающемся подвиге нашей Зои.
Комсомол, советская молодежь преклоняются перед мужеством, отвагой, геройством славных сынов и дочерей нашей Родины, отдавших на алтарь Победы самое дорогое — свою жизнь»
Маршал Советского Союза А. А. Гречко в докладе на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций, состоявшемся в марте 1974 года говорил: — «Комсомольцы всегда были в первых рядах защитников социалистического Отечества. В сиянии боевых и трудовых наград, увенчавших знамя Ленинского комсомола, отражена и немеркнущая слава мужественных героев-комсомольцев Виталия Баневура и Николая Островского, Зои Космодемьянской и Александра Матросова, Виктора Талалихина и Марии Мельникайте, Юрия Смирнова и молодогвардейцев, бесчисленного множества отважных бойцов с врагами революции, фашизмом».
Под стеклом — письма, присланные в музей. Они идут сюда со всех концов страны, из разных стран мира. По почтовым штемпелям на конвертах можно судить о многочисленных связях музея в Петрищеве с молодежью. Советские школьники присылают сюда свои сочинения о Зое, сообщения об открытии в их школах уголков Зои и комнат боевой славы, о проведенных в их классах уроках мужества на примере подвига Зои.
Комсомольцы и молодежь ударных строек шлют сюда свои рапорты о трудовых делах. Пограничники с далеких застав, моряки из дальнего плавания отчитываются перед Зоей в том, как они несут службу. Пишут матери, чьи сыновья и дочери погибли в годы войны. Пишут нынешние ровесники Зои, раздумывающие «сделать жизнь с кого».
«Докладываем тебе, Зоя! На Всесоюзной ударной комсомольской стройке — строительстве новых мощностей Воскресенского химкомбината имени В. В. Куйбышева — дела идут хорошо. Мы обещали досрочно сдать пусковые объекты и слово свое сдержали. Комсомольцы строительных отрядов Клина, Химок, Калининграда».
«Будем учиться, как Зоя, любить Родину, как Зоя, готовим себя служить Родине, как Зоя. Учащиеся школы № 130 г. Электроугли Московской области». В музее бережно хранятся письма от комсомольских организаций всех советских республик.
Пишут украинцы:
«Комсомольцы Киевщины, Полтавщины, Донбасса, всех краев Украины свято чтут имя Зои Космодемьянской. Ее жизнь пример служения Родине. Она достойная дочь

великого русского народа».
Пишут белорусы:
«За свободу всех народов СССР отдала свою жизнь Зоя».
Из письма школьников-узбеков:
«Зоя русская, но она наша кровная сестра».
Из письма девушек-казашек:
«У нас много девушек теперь носят имя Зоя».
Грузины:
«И в горах Грузии звучит имя: «Зоя!»
Пишут юные музыканты из Азербайджана:
«Мы о ней песни поем».
Комсомольцы-литовцы:
«Нас всегда будет восхищать образ Зои».
Эстонцы:
«Герои не умирают. Героям вечная слава».
Латыши:
«Подвиг сестры и брата Космодемьянских учит мужеству молодежь».
Поток писем с каждым годом все увеличивается. Музей постоянно пополняется документами, фотографиями, экспонатами, рассказывающими о новых подробностях подвига Зои, ее боевых друзей, о массовом героизме советской молодежи на фронте и в тылу, проявленном ею в суровые годы Великой Отечественной войны.
Отовсюду приходят в музей книги, газеты, журналы, плакаты, листовки, рассказывающие о Зое, значки, почтовые марки, открытки. Среди подарков музею — набивные и вышитые на шелке портреты Зои, художественные миниатюры и детские рисунки, посвященные ей, изделия из глины, хрусталя, фарфора, дерева, скульптурные портреты Зои.
Растет коллекция вымпелов и флажков, рабочих рапортов, присылаемых в музей участниками социалистического соревнования на фабриках, заводах, стройках, транспорте.
В музее собраны альбомы участников походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. К каждому из них приложены письма-отчеты.
…Примечательно, что чем дальше время уходит от того часа, когда перестало биться сердце Зои, тем шире становится география, национальная и социальная принадлежность корреспондентов музея.

ПАМЯТЬ

Каждый год 29 ноября на развилке 86-го километра Минского шоссе, где установлен памятник юной партизанке, собираются местные жители и жители окрестных сел, чтобы всенародно почтить ее память.
Сюда же приезжают делегации комсомольцев из районов Подмосковья, боевые товарищи и подруги Зои, ветераны войны, бывшие партизаны.
Торжественны эти короткие традиционные митинги. Застывают в почетном карауле пионеры и молодые воины, в строгом молчании проходит церемония возложения венков.
А затем над площадью клятвой верности Родине звучат слова пионерской присяги.
Юность Советской страны свято чтит память о павших героях. Только на полях Подмосковья и в местах, где пролегали рубежи обороны Москвы, комсомольцы и молодежь столицы и области воздвигли сотни памятников и обелисков, монументальных композиций.
Воссоздавая героическое прошлое, более полумиллиона комсомольцев, юношей и девушек области прошли дорогами войны, партизанскими тропами. Они собрали богатейшие исторические материалы, множество бесценных реликвий трудового и ратного подвига народа в годы войны, записали воспоминания ее ветеранов, отсняли десятки кинофильмов о своих походах, создали свыше 500 музеев и уголков боевой и трудовой славы в городах и селах Подмосковья.
Музей Зои Космодемьянской в Петрищеве, первый из музеев боевой славы, созданных на подмосковной земле, стал одним из центров притяжения всей массово-патриотической работы комсомольцев Московской области.
Советские юноши и девушки хотят быть похожими на Зою, на многих других героев, кто своим мужеством и стойкостью, своей непоколебимой верой в торжество дела Ленина преумножил славу и доблесть родного народа в годы тягчайших военных испытаний.
Образ Зои запечатлели в своих творениях многие истинные мастера народного творчества. Теперь уже стала библиографической редкостью изданная еще в 1944 году Красноярским краевым издательством книжка объемом меньше печатного листа: «Не забыть нам веки — повеки», с подзаголовком: «Светлой памяти Героя Советского Союза З. А. Космодемьянской».
Это плач-сказ известной народной сказительницы из села Заледеево Емельяновского района Красноярского края Екатерины Ионовны Чичаевой, записанный в 1942 году московским журналистом и фольклористом А. В. Гуревичем. «Слезы ручьем текли, и острая боль схватила сердце, когда я читала Вашу книжку», — писала Любовь Тимофеевна Космодемьянская сказительнице.
А. В. Гуревич вспоминал, как слушали этот плач-сказ крестьяне Петрищева, собравшиеся в доме Ворониных во вторую годовщину со дня гибели Зои. (С этой даты и

установилась в Петрищеве традиция ежегодных сборов памяти Зои.)
«Читаю, а рядом плачет бабка Евдокия Петровна. Ей трудно сдержать свои материнские слезы. Таня всегда стоит перед ней, как живая, а сейчас особенно все пережитое всколыхнулось заново…»

И нагнали-то они солдат полчища целые,
И поставили-то они два столба, они, высокие,
Два столба высокие с перекладиной…

И пошла наша Танюшенька
По дороге вдоль села Петрищево
На окраину, на место лобное…

Обвела взором всех крестьян села Петрищево
И откель у ней сила-волюшка взялася,
Она вскрикнула им, моя голубушка:
«Вы прощайте, дороги мои товарищи,
Наберитесь силы-волюшки,
Мстите, бейте врага проклятого».

И качнулось тело в воздухе…
И завыли, и завыли тут пурги-погодушки,
И завыли, и завыли ветры буйные,
Завыли, закружились и заплакали…
И не стало нашей Танюшки.

В музее есть зал, в котором собраны произведения литературы и искусства, посвященные Зое.
Здесь полотна известных советских художников, скульптурные портреты Зои, иллюстрации к книгам о Зое и Шуре Космодемьянских.
В художественном фонде музея — работы художников Кукрыниксов «Таня» и «Допрос Зои Космодемьянской». В сопроводительной записке в ЦК ВЛКСМ художники писали: «Пусть этот скромный подарок послужит началом будущему собранию картин, скульптур и рисунков, посвященных незабываемой героической борьбе комсомольцев и советской молодежи с фашистскими захватчиками за освобождение нашей Родины».
Интересна серия пейзажных рисунков Петрищева художника В. Лебедева, сделанная им в 1949 году. На одном из них — дом Ворониных, где прошли последние часы жизни Зои. Рисунок напоминает, что на фасаде его была укреплена мемориальная доска.
Есть в экспозиции музея и рисунки школьной подруги Зои — Р. Кирилловой. «Памятью

сердца я делала их», — писала она в дарственной записке. На этих рисунках Зоя — школьница, пионерка. Художница как бы воскрешает многие события, о которых Зоя писала в своем дневнике.
Скульптурную галерею открывают работы выдающегося советского ваятеля М. Г. Манизера «Зоя — партизанка», «Зоя». Одна из них («Зоя — партизанка») особенно хорошо известна москвичам и гостям столицы: она входит в скульптурную композицию «Партизаны», установленную у входа на платформы станции метро «Измайловский парк» Покровского радиуса метрополитена, построенного в годы Великой Отечественной войны.
Привлекает внимание посетителей скульптурный портрет «Зоя» З. Ракитиной. Именно такой помнит дочь Любовь Тимофеевна Космодемьянская — собранной, решительной.
В музее находится скульптура работы французского мастера Р. Жаспара. Он писал: «Мы друзья Зои, мы любим ее народ».
В 1966 году музей посетил французский скульптор Ж. Саландр, принимавший участие в выставке, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В дар Ж. Саландр оставил снимок своей скульптуры «Зоя», пользовавшейся на выставке большим успехом.
В городах и селах Советского Союза — множество памятников Зое. В музее собрана большая коллекция их снимков.
«Стань символом правды и силы» — начертано на постаменте памятника Зое в Казани, у школы ее имени. «Зое — от пионеров Ленинского района г. Караганды» — читают на высоком обелиске с бюстом партизанки, установленном в городском парке имени 30-летия ВЛКСМ. «Пионерка Космодемьянская Зоя» — такой обелиск установлен в сибирской деревне Шиткино. На других снимках — памятники Зое в Тамбове и в селе Осиновые Гаи, мемориалы, посвященные Зое, в ГДР, Венгрии, Чехословакии и других странах.
На стендах — афиши о спектаклях пьесы М. Алигер «Сказка о правде», поставленных в разные годы в различных театрах страны, сцены из спектаклей, кадры из кинофильма «Зоя».
О Зое и Шуре Космодемьянских написано множество книг. В музее представлены различные их издания на русском языке и на языках народов СССР, иностранных языках. Здесь повести С. Заречной «Горячее сердце», В. Ковалевского «Брат и сестра» и «Не бойся смерти», «Рассказы о Гайдаре», включающие главу «Гайдар и Зоя» Б. Емельянова, книга Е. Савинова «Зоины товарищи» и другие произведения. В разделе поэзии — стихи и поэмы о Зое М. Алигер, А. Барто, А. Суркова, Н. Хикмета, М. Светлова, Б. Ковынева, Вс. Рождественского и многих других советских поэтов.
Почти все книги, журнальные и газетные материалы сопровождены автографами авторов.

Особый раздел отведен посвященным Зое произведениям композиторов: Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, Н. Макаровой, Т. Попатенко, С. Разоренова, В. Юровского, Я. Солодухо, Г. Гаранова, П. Майбороды, К. Данькевича, Ю. Милютина, Б. Фомина, В. Шафранникова…

На партитуре сюиты Н. Макаровой «Как закалялась сталь» рукой автора написано: «Одним из любимых героев Зои был Павка Корчагин из романа Н. Островского «Как закалялась сталь». О них также в дар музею». На нотах I акта оперы «Зоя» (либретто Е. Поповой-Яхонтовой) Н. Макарова написала: «Преклоняюсь перед той, которая родила нашу Зою…» И еще на одном сборнике: «С глубоким чувством благодарности ко всем, кто создавал музей нашей замечательной героини Зои».

Имя Зои любимо народом. Он навечно хранит его в своей памяти.